
Николай Силис

**О ловле рыбы
и прочей чепухе**

Рассказы
и повесть

Москва 2015

Н. А. Силис

О ловле рыбы и прочей чепухе. Рассказы и повесть. – М; НАС, 2015
– 144 с.; ил.

Николай Андреевич Силис – известный художник и скульптор-монументалист (окончил Строгановское художественное училище). Большую часть времени он работает в доставшемся ему по наследству от деда доме, который находится в деревне Глебцево Вышневолоцкого района Тверской области, в самом конце озера Судомля.

Н. А. Силис – страстный путешественник, побывавший в разных городах бывшего Советского Союза и за рубежом. Во многих странах ближнего и дальнего зарубежья имеются его скульптурные работы. Представлялись они и на многочисленных персональных выставках, в разных музеях, в том числе в ЦДХ. Николай Андреевич создал и опубликовал немало альбомов с фотографиями своих многочисленных работ. К тому же он хороший писатель. Его рассказы публиковались во многих журналах, а недавно вышла книга «Современники»; в ней он рассказывает об известных людях, с которыми дружил или общался в знакомой многим мастерской двух скульпторов Н. Силиса и В. Лемпорта.

Вниманию читателей предлагается очередная книга, в которую вошли написанные с изрядной долей юмора рассказы и повесть Н. Силиса – путешественника.

© Н. Силис, 2015

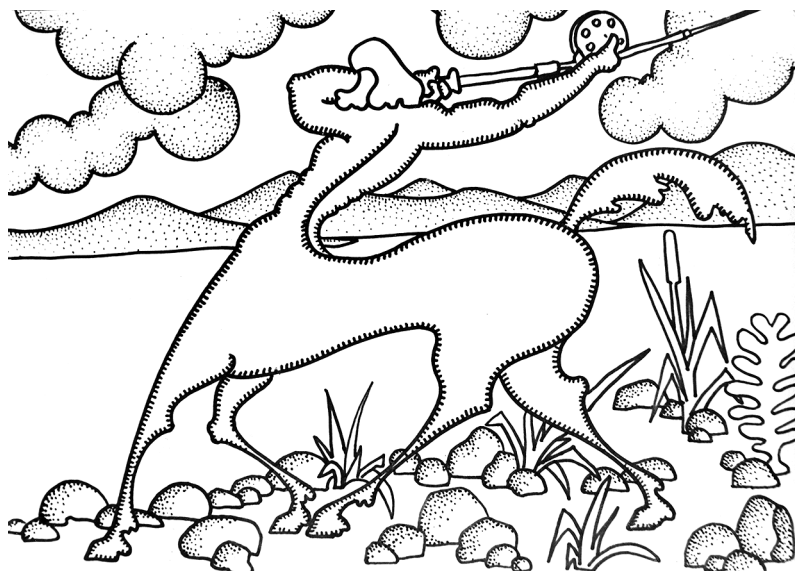
© Н. Силис, рисунки, 2015

Кентавры рыбу не едят

Кентавры – это те же люди, только странные...

Утро всегда означает наступление нового дня – дня, которого еще никогда не было. Может быть, поэтому все живое на земле так радуется наступлению нового дня.

Кент Старший проснулся первым. Впрочем, первыми проснулись птицы. Они своим оголтелым

гамом разбудили Кента и сообщили о важности наступающего события. Было раннее-раннее утро. Не часто ему приходила в голову идея ловить рыбу – не понимал он этого занятия. Ну что за надобность часами просиживать или простаивать на берегу, порой в холод и непогоду, ради десятка небольших рыбешек? Была бы необходимость в еде или недостаток разнообразия продуктов. А то кругом всего вдоволь – только пожелай. И все-таки люди сотнями, тысячами, миллионами мечтают о приличной рыбалке и, как дети, радуются, когда на примитивном крючке засверкает несчастная рыбка. Все это было непонятно для Кента Старшего, но Кент Младший в канун прошедшего дня просил его показать, как это делается. Уже с вечера было ясно, что утро будет хорошее. Оба Кента поднялись сразу. Разделив снасти, молча вышли на тропинку, ведущую в лесную чащу. В часе ходьбы, за небольшим перевалом, притаилось круглое, как серебряная монета, лесное озеро. Там-то Старик много лет назад и приобщил Кента Старшего к искусству извлекать из воды нечто живое, трепещущее и протестующее, именуемое людьми рыбой.

Солнце еще не взошло, но туман уже окрасился разбеленной киноварью бьющих из-под горизонта лучей грядущего светила. Верхушки деревьев казались парящими в воздухе. Без тропинки трудно было бы отыскать вход в лесную чащобу.

– Придем в самый раз, – сказал Кент Старший. Нырнув за исчезнувшим в дыре братом, Кент Младший вздрогнул от неожиданности. Тысячи холодных капель утренней росы обрушились на лицо, плечи, бока и ноги. Секундная дрожь током пробежала по лоснящемуся от утренней сырости телу Кента.

Старший уверенно шел впереди. Его силуэт едва угадывался в полусумеречной лесной чаще. Только плечи и спиннинг отчетливо вырисовывались на бриллиантовом фоне листвы. Все остальное утонуло в фиолетовом молоке тумана.

– Ты не так несешь удилище. Поверни комлем вперед, сломать можешь.

На языке Кента Младшего вертелись вопросы, но он боялся спросить. Всегда так было: не спросишь – не узнаешь, а задашь вопрос – тут же окажешься глупым и ненужным.

– Послушай, Кент, а зачем люди рыбу ловят?

Ответ последовал не сразу.

– Я этот вопрос Старику задал много лет назад. Не захотел отвечать, а может быть, и не знал, как ответить.

Кент потрянул ствол ольхи и сделал скачок в сторону. Младшего обдало судорожным холодом обрушившегося дождя из ледяных капель.

– Я думаю, потому что ее есть можно.

– А кто не ест рыбу, но все-таки ловит?

Кент Старший не ответил. Начался подъем, и разговор сам собою прекратился. Туман остался

внизу. На хребте перевала сделали небольшую передышку. Старший поправил разболтавшуюся леску на удилище.

– Теперь недалеко, – сказал он. – Если нам повезет, покажу удивительную вещь: увидишь, как рыба живет в воде. Только знаешь что? Давай-ка обмотаем копыта папоротником. Старик всегда так делал, когда брал меня на рыбалку.

Кент Старший аккуратно запеленал все четыре ноги своего младшего спутника. Потом то же самое проделал со своими.

– Язь – рыба осторожная, боится шума.

Сквозь редеющие деревья кое-где появились проблески лесного озера. Его гладь местами была подернута прозрачными остатками утреннего тумана.

– А что рыба делает, когда ее вытащишь?

– Умирает.

– А почему?

– Тише! Смотри, круги на поверхности. Это язи ходят. Следи за мной.

Вода была темной, и разглядеть что-либо в ней было трудно. Но под гладью что-то происходило. То там, то здесь возникали с легким всплеском круговые разводы. Пелена отраженного неба не давала проникнуть взгляду за пределы поверхности. Кент Младший, затаив дыхание, замер в неестественной позе, стараясь проткнуть взором блеск водяного зеркала. Вдруг первый узкий луч ножом прорезал толщу воды. Белым призраком осветилась затонувшая на дне береза.

– Смотри, – шепнул Кент Старший.

Что-то большое и загадочное проплыло над освещенной частью дна и, булькнув пузырьем в поверхность воды, исчезло в разводах волнистой спирали. Небо расколосось, а луч, разбитый на тысячу зайчиков, запрыгал по стволам прибрежных деревьев. Через минуту еще один язь важно, с достоинством вышел на освещенное место, погулял безо всякой надобности вокруг березы и, сверкнув фольгой чешуи, исчез в темном омуте непрозрачной воды.

Было очень хорошо. Хорошо потому, что стояла тишина, всходило солнце и мир просыпался сам собой. Просыпался, чтобы встретиться с днем, которого еще никогда не было.

Кент Младший, замороженный, замер в немом благоговении перед таинством раскрывшегося перед ним мира.

Озеро было небольшим. Деревья вплотную подступали к нему. Рваное покрывало туманной дымки постепенно отступало к дальнему берегу, предоставляя пробившимся между стволами сосен лучам солнца катиться по голубоватой поверхности воды. Воздух постепенно наполнился хлопотливыми звуками обитателей леса. Видимую часть неба наискось процарапал неизвестно откуда взявшийся беззвучный самолет.

– Кент! Может быть, начнем? Видел, какие ходят?

– Это и есть язи. Только ты на них не рассчитывай. Даже людям не всегда удается поймать их удочкой. Поэтому и придумали сети да мережи.

– А зачем тогда язи?

– Чтобы тебя подразнить. Давай-ка удочку – покажу, как обращаться с ней.

Кент Старший неторопливо размотал снасти, достал из перекинутой через плечо торбы кусочек хлебного мякиша; отщипнув, стал скатывать в горошину.

– Наша рыба проще: плотва, окунь да, если повезет, щука, а язей пусть люди ловят – у них это лучше получается. Теперь слушай: как поплавок шевельнется – приготовься, а пойдет на дно – подсекай несильно, но резко. Так Старик учил меня в свое время. Важно первую рыбу поймать, а там дело пойдет.

Отдав удилище младшему брату, он отошел метров на десять туда, где отступившие от берега деревья образовали небольшую полянку.

Кенту Младшему непременно хотелось поймать язя, того самого, который так ослепительно блеснул на солнце. Но луч переместился в другое место, и ни язей, ни затонувшей березы уже не было видно.

Поплавок плюхнулся шумно, неуклюже и недалеко от берега. Сначала ничего не было. Круги на воде разошлись, а белый куполок поплавка с торчащей красной палочкой замер на месте. Но не прошло и минуты, как он зашевелился, мелко запрыгал и пошел в сторону, потом – в другую. Кент Младший старался проникнуть в глубь воды и посмотреть, что же там делается, но опрокину-

тое в воде небо надежно охраняло тайны неведомого мира.

– Тащи! Чего смотришь?

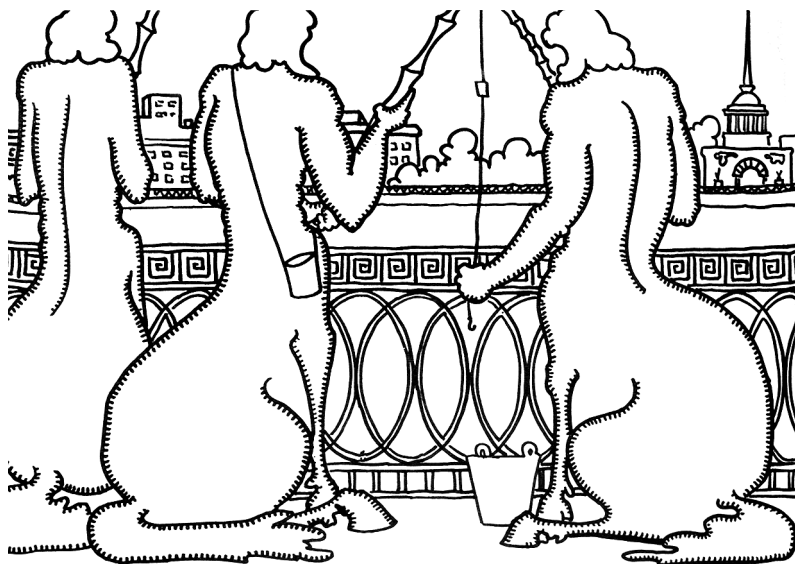
Поплавка на воде не было. Удилище со свистом врезалось в гущу листвы кустарника. Поплавок затрясся на ольховой ветке. А ниже, делая замысловатые движения, трепыхалась небольшая рыбка. Кент Старший поспешил на выручку.

– Плотвичка. То, что надо, – сказал он.

Сняв рыбку, достал из торбы нож и обрезал красный плавник. Нацепив на крючок, вернул удилище.

– Смотри не зевай!

Заброс был удачным. Поплавок, не успев устояться, сразу же скрылся под водой. С некоторым усилием Кент вытащил окуня средней величины.

На эту же насадку вслед за ним клюнул другой, потом еще и так почти без перерыва. Можно было подумать, что окунь жил только ради этого дня, чтобы попасться на удочку. Кент с удивлением для себя отметил, что такое занятие доставляет ему удовольствие. Одного за другим наперегонки стали таскать яростно сопротивляющихся окуней. То были озерные окуньки с темной окраской спины и боковых полос. Даже не верилось, что эта сильная и красивая рыба может быть такой глупой.

Старший Кент так увлекся, что незаметно для себя зашел по брюхо в воду, так что торба, куда он складывал рыбу, нижним концом оказалась в воде и трепетала, как живая, от бившихся в ней окуней.

Солнце стало припекать, и появился овод. Оба Кента неистово отбивались от них хвостами, но паут жалил в самые уязвимые места, и бороться с ним становилось все труднее. Тем не менее невозможно было оторваться от поплавка.

Кент Младший спрятал круп в кусты, но эта тварь, неизвестно по каким соображениям созданная природой, устремилась на переднюю часть тела. Отмахиваясь свободной рукой, Кент продолжал с неослабевающим увлечением выдергивать одного окуня за другим. Старшему было хуже: его хвост наполовину находился в воде и отмахиваться было трудно. Сегодня что-то произошло в подводном царстве: страсть к самоубийству безногих

обитателей озера была беспредельна. Поплавок ни на секунду не задерживался на поверхности – сразу шел на дно. Некоторые окуни срывались, однако их возвращение в родную стихию с разорванной губой не являлось сколько-нибудь предостерегающим примером для остальных сородичей этого удивительного мира живых существ. Но вот наступило то самое время, когда что-то должно было неожиданно случиться. Кент Младший, вытаскивая очередного окуня, неосторожно концом удилища попал в нависшую над водой ветвь сосны, и трепещущая рыба была предоставлена на некоторое время самой себе. Желание выжить оказалось сильнее крепости лески. Окунь плюхнулся в воду около самого берега, унося с собой крючок, леску и поплавок. Сначала он вместе с трофеем исчез на дне озера, но вскоре метрах в пяти от берега на голубой глади воды появился белый купол поплавка. Окунь, по всей вероятности, пришел в себя и теперь свободно разгуливал под водой, пренебрегая неудобством тянущей вверх лески. Иногда уходил вглубь, а потом снова появлялся, но уже в другом месте. Порой скользил по поверхности, оставляя легкую борозду. Один раз даже направился к тому месту, откуда его вытащили, но какое-то рыбье благоразумие остановило его и заставило резко повернуть обратно. Затем решительно отправился на середину озера, а там уже появилась легкая рябь, и поплавок, поплясав с минуту, исчез из поля зрения. Раз и навсегда.

– Кент! Похоже, леска оборвалась.

– Что такое? – не сразу понял Старший.

Кент Старший снял очередного окуня, опустил в торбу и только тогда понял смысл слов, сказанных Младшим.

– Совсем оборвалась?

– Как видишь.

– Да, пожалуй, это конец, – и прибавил, усмехнувшись: – Даже не нужно сматывать удочку.

С трудом вытаскивая увязшие в иле ноги, Кент Старший медленно развернулся и вышел на берег. Лямка от наполненной рыбой торбы глубоко врезалась в плечо. С чувством облегчения он сбросил торбу и сказал:

– Ну что же! Пошли! Теперь ты знаешь, что это такое.

Затем, сняв с копыт остатки папоротника, выпрямился, подвигал затекшими мышцами плеч и направился к тропе, по которой они вышли на озеро.

– Кент! А что с рыбой делать? – спросил Младший.

Старший пожал плечами. Зачем задавать глупые вопросы? Все знают, что кентавры рыбу не едят.

Младший молча взял обе торбы и поочередно вывалил их содержимое в озеро. Значительная часть окуней, по-видимому, уже смирилась со своей участью. Плюхнувшись в воду, рыбы тут же замерли, туго соображая, что же произошло на самом деле. Только с десяток помельче мгновенно юркнули в темную спасительную глубину озера.

Кент улыбнулся и с удовольствием, высоко приподняв переднюю ногу, шлепнул по светлой глади воды. Подождал, когда она восстановится. Окуней не было. На слегка замутненном дне ползла потревоженная улитка. И больше ничего.

Кент Младший поспешил за своим старшим братом.

Утро превратилось в день, которого никогда еще не было.

Бар-Бич

Я жил в одной миле от берега океана. Бар-Бич – узкая полоска чистейшего песка, на котором с неумолимым ритмом разбивались и распластывались трехметровые крутые спирали валов Гвинейского залива. Чтобы как-то скрасить его бесконечную перспективу, природа воткнула в песок

несколько пальм и раскинула под ними деревушку с тростниковыми остроконечными крышами. Я часто приходил сюда рисовать, купаться и просто смотреть на происходящее.

По воскресеньям Бар-Бич превращается в мозаику, набранную из ярко одетых в праздничные наряды нигерийцев. Они неторопливо прогуливаются по берегу, деловито грызя орех колу. Иногда собираются в кучу и под аккомпанемент экзотических инструментов устраивают непринужденный концерт с танцами и песнями. В будни и вечерами поодиночке и группами сюда приходят молиться священники в белых одеяниях с колокольчиками в руках, вызывают бога, обращаясь к океану, и неистово убеждают его удовлетворить ту или иную свою просьбу. Здесь совершают крещение детишек и ритуальные омовения. Чернокожие торговки с утра до вечера расхаживают по берегу с огромными колобашками на головах. Они продают ананасы, бананы, жареный арахис, а иногда и сувениры.

Много интересного происходит на Бар-Биче. Но, пожалуй, самое интересное – ловля рыбы.

С большим интересом я не раз наблюдал, как население деревушки спускает на воду лодку. На Бар-Биче это сделать не так-то легко. Лодки у жителей большие, длиной 7-8 метров, выдолбленные из целого ствола красного дерева. По краю борта обязательна перемежающаяся незатейливым орнаментом какая-нибудь надпись: «Господи! По-

моги мне поймать больше рыбы!» или «Господи! Не дай мне утонуть в море!» И это не праздные обращения. Утонуть в океане – пара пустяков. Прежде чем окажешься в открытом море, нужно преодолеть 3-4-метровый вал мутно-зеленой воды, закрутившейся многотонной спиралью. В первый же день знакомства с Бар-Бичем мне пришлось пережить несколько неприятных секунд. Во время купания из-за непростительно-го легкомыслия и по незнанию я оказался вдруг под гребнем волны. На меня обрушилось сразу несколько тонн воды. Очень тяжелое ощущение. Сначала меня сильно прихлопнуло к песчаному дну, затем жестоко стало закручивать в водяной рулон и в довершение ко всему неумолимо потащило обратно в океан. К счастью, все кончилось хорошо, а могло быть иначе. Здесь часто тонут. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из нигерийцев заплывал дальше 10 метров от берега. Детишки же и вовсе довольствовались брызгами разбившейся о песчаный берег волны и с неистовым визгом убегали от каждого приближающегося вала. А однажды мне пришлось наблюдать, как черный мальчишка, лет десяти, был смыт с берега и, не умея плавать, начал тонуть. Его спас один бородатый белый, оказавшийся неподалеку. Сородичи вместо сочувствия устроили малышу хорошую взбучку за то, что пренебрег опасностью. Наконец, рыбаки отправляются. Первая попытка проскочить прибрежный вал оказалась неудач-

ной. Как только лодка коснулась волны, ее подкинуло, развернуло боком, и она опрокинулась. Волна ушла, а в белой пене остались рассыпанные, как кофейные зерна, головы рыбаков и черное днище лодки. Потребовалось немало усилий, чтобы подтащить лодку обратно к берегу, вылить воду и снова развернуться носом к волне. Все приготовились к новой атаке. Десять человек, по пять с каждой стороны, вцепились в борта лодки. Гортанный вопль одного из рыбаков – сигнал. По отходящей воде взяли разгон навстречу новому валу, который был уже метрах в двадцати от берега. Встретились. Накрыло. На секунду показался вздыбленный нос лодки, и все опять исчезло в белой пене разрушенной волны. Снова неудача. И так три раза. Только с четвертой попытки уда-

лось проскочить. Рыбаки уходят в море на всю ночь, а утром возвращаются на берег со свежей рыбой.

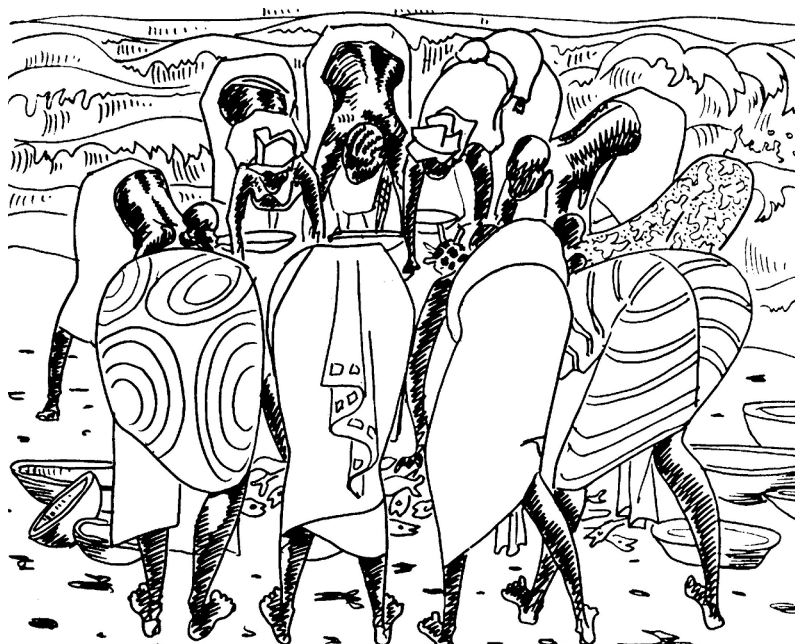
В воскресенье я снова на Бар-Биче. На берегу у дереvушки сегодня людно. Там тащат невод за веревки человек по десять с каждой стороны. Крайние укладывают концы в бухты. Мерно, в такт покачиваясь, метр за метром тянут рыбаки что-то тяжелое, скрытое под водой. Далеко от берега – пунктир деревянных поплаvков и стая оголтелых чаек. Это конец невода. Два ряда тянущих постепенно сближаются. Командует толстый, как спелый баклажан, негр. Чиф, значит. На круглом лице реденькая бородка. Он задает ритм. Бегаёт от одного ряда к другому, дирижирует. Тут же группа женщин и детишек с корзинками и колобашками ждёт рыбу.

Я с альбомом расположился неподалеку от этой группы и стал рисовать. Нигерийцы – народ любопытный и добродушный. Все, не занятые делом, обступили меня плотным кольцом. К рисункам относятся с большим юмором. Особенно веселятся, когда узнают в нарисованном кого-нибудь из своих соплеменников. А фотографироваться не любят – возмущаются или же требуют денег.

Поплаvки уже близко. Вереvки кончились, пошел невод. Полуголые рыбаки, мокрые и блестящие, так же ритмично продолжают тащить. Иногда все хором вторят команде чифа. Все это похоже на отлично сыгранную экзотическую пантомиму.

Вот и мешок показался. Неужели столько рыбы? Пожалуй, несколько тонн будет! Все бросились помогать. Протащили по песку еще несколько метров. Теперь можно развязывать. Мужчины обступают мешок. Двое распускают углы. Их плотным кольцом окружают женщины. Третий ряд этого черного и шумного ожерелья образуют дети. Каждый из них пытается сквозь плотный ряд ног протиснуться к мешку и схватить мелкую рыбешку, выскользнувшую из ячеек невода на песок.

Подошел и я. Весь мешок оказался битком набитым скользкой полупрозрачной массой. Медузы. Несколько тонн медуз! Вот так улов! Через раз-

вязанные углы эта морская мокрота выползает на песок. Ее тут же разгребают и выбирают запутавшуюся в ней рыбу. Вся мелкая рыбешка достается детям.

Я узнаю некоторых рыб. Длинная и блестящая рыба – игла. Действительно, очень похожа на иглу. Вот морской окунь и мелкие окуньки с хищными рылами. Попалась и акула-молот с отвратительным набалдашником на носу. Кстати сказать,

все побережье Нигерии изобилует акулами и заплывать далеко небезопасно.

Мешок становится все меньше и меньше, а на песке растет гора полупрозрачного желе из медуз. Последним выскочил из мешка скат. Его долго за хвост таскали по песку, чтобы разрядился от электричества.

Невод убрали. Четыре с половиной таза рыбы – не очень щедрая плата за такой труд. Студенистая гора под палящим солнцем стала превращаться в лужу. Ребятишки выбирают из нее последнюю рыбью мелочь. Толстый негр разложил рыбу на несколько равных кучек – это участникам лова. Отсюда она тут же перекочевывает в корзины и колобашки шумливых торговков. Сделки совершаются на месте, с криками и размахиванием рук. Глядя на них, можно подумать, что они готовы убить друг друга. Но это только игра, дань южному темпераменту. Пенсы и шиллинги переходят из рук в руки. А через полчаса все стало тихо. В сторону города потянулся караван женщин с ношами на голове. За спиной у каждой в такт размеренному шагу покачивается привязанный к телу младенец. Черные, бархатистые головки болтаются из стороны в сторону.

Бублик

Бублик – это собака. Несколько странное имя для пса, да еще живущего в Африке, на берегу Гвинейского залива, но я думаю, что это из-за его хвоста, закрученного в баранку. Он первый познакомился со мной.

Я шел купаться на Бар-Бич. Так называется узкая полоска чистого песка на берегу океана. Бублик, едва завидев меня, с противоположной стороны

улицы бросился через дорогу с таким видом, будто вся цель его жизни в том только и состояла, чтобы познакомиться со мной. Мы представились. Я на плохом английском, а он – на своем собачьем. Мне казалось, что всякая собака, живущая в стране, где говорят по-английски, должна тоже понимать этот язык, но вскоре обнаружилось, что мой английский не производит на пса ни малейшего впечатления. Возможно, из-за моего плохого произношения.

Только потом на пляже у знакомых я узнал, что зовут его Бублик и хозяином его до недавнего времени был некий поляк, о чем свидетельствует ошейник с позвякивающим на нем номером. Поляк уехал, а Бублик остался. А какая жизнь без хозяина? Собачья! Поэтому, наверное, он так обрадовался, когда я перешел с плохого английского на родную славянскую речь.

Первое время мы были с ним на «Вы». То есть он меня встречал, сопровождал до пляжа, развлекался вместе со мной, а потом по дороге домой так же неожиданно исчезал. Всегда в одном и том же месте. Возле фешенебельного отеля «Федераль». «Уж не номер ли у него там?» – думал я. Но шерсть сомнительной белизны и весь его довольно обшарпанный вид исключали такую возможность. Да и с родословной, как видно, у Бублика дело обстояло не лучше: висящее ухо, черные пятна, в беспорядке разбросанные по шкуре, и хвост, закрученный в тугую спираль, не остав-

ляли сомнений относительно «благородства» его родителей. Дворняга, одним словом. И если бы не номерок на ошейнике, не разгуливать бы ему свободно по городу. К бездомным собакам здесь относятся сурово. А так вроде как с паспортом – полноправный пес.

На Бар-Биче всегда происходит много интересного. Там чернокожие священники в длинных белых одеждах совершают всякие религиозные обряды, сопровождая их танцами и песнями под аккомпанемент там-тамов. Рыбаки на своих длинных, выдолбленных из целого ствола красного дерева лодках выходят в океан ловить рыбу. На берегу в праздники совершаются массовые гулянья, и берег тогда превращается в сплошной разноцветный ковер.

Бублик находил здесь много развлечений. Он очень любил купаться, но не один, а в обществе людей. Сломая голову, бросался за ними в воду, а когда набегала волна, высунув язык, весело удирали от нее.

Накупавшись, подходил к моей одежде и тщательно отряхивался от воды и налипшего на шерсть песка. Как я ни старался отучить его от этой привычки – ничего не получалось. Так уж был плохо воспитан.

Но самым любимым занятием, пожалуй, была охота на крабов. Крабы любят вместе с волнами выкатываться на мокрый песок и, задержавшись на нем, подышать свежим воздухом. Еще изда-

лека замечают они опасность и, ловко перебирая ногами, боком скрываются в подоспевшей волне. Все попытки Бублика поймать краба каждый раз заканчивались неудачей: волна накрывала раньше, чем удавалось догнать его. Вскоре он начал соображать, что таким образом не удастся добиться успеха, и Бублик поменял тактику. Некоторые крабы зарывались в мокрый песок, оставляя на нем небольшие лунки. Они-то и привлекли внимание моего друга.

Передними лапами Бублик быстро-быстро начинает разрывать убежище краба. Краб, естественно, зарывается еще глубже. Копать приходится так глубоко, что на поверхности остаются только задние ноги и хвост, торчащий знаком вопроса. Ну и когда все-таки удастся добраться до краба, Бублик хватает его за клешню и ловко подбрасывает. Краб – существо нежное, он не выдерживает такого обращения с собой: падает и замирает. Удостоверившись в летальном конце своей жертвы, Бублик мгновенно теряет всякий интерес к крабу. На морде его, заляпанной песком, появляется выражение некоторого огорчения: закончилась такая интересная игра. Но через минуту он уже находит новую лунку, и все повторяется снова.

Моя дружба с Бубликом крепла с каждым днем. Несмотря на недостаточно изысканное воспитание, он был деликатен и не назойлив. Как-то он счел своим долгом проводить меня до самого дома (я жил на территории посольства). Здесь,

не переходя границы, мы пожелали друг другу самого наилучшего и расстались до следующего дня. Утром же, выйдя во двор, я с удивлением обнаружил Бублика, поджидающего меня у самого выхода из моей квартиры. Это было, конечно, не только нетактично с его стороны, но и являлось прямым нарушением международных правил. Я ему деликатно намекнул на это, но Бублик выразил такую бурную радость, что намек остался незамеченным. В конце концов, подумал я, это дело его совести, а долг хозяина требует элементарных норм гостеприимства. Поэтому я пригласил его отведать из вынесенной мною миски очень неплохой, на мой взгляд, борщ. Пес понюхал и, выразив крайнее смущение на физиономии, извиняющейся походкой отошел в сторону. Мол, конечно, борщ хорош, я ничего не имею против, но, видите ли, я недавно покушал, поэтому прошу извинения. Разумеется, я его извинил, но для меня оставалось загадкой, где же он мог так сытно пообедать.

И вот совершенно неожиданно мне довелось воочию увидеть, как Бублик добывает себе пищу. Я, как обычно, отправился на Бар-Бич пешком. Бублик следовал за мной. По пути следования он пытался поймать ящерицу. Их здесь множество, а расцветки удивительно красивые: от ярко-оранжевого до темно-синего цвета.

Выползут на дорогу и греются на солнце. Поймать их почти невозможно – уж больно шустрые.

Да Бублику это было и необязательно. Просто так развлекался. Около нас остановилась машина; за рулем знакомый: «Садись, подвезу на Бар-Бич». Я замялся, начал было отказываться. Но Бублик понял неловкость моего положения и сделал вид, что очень увлечен ящерицей и поэтому не претендует на место в машине. Валяйте, мол, садитесь, а он догонит. Через минуту в заднее стекло я увидел, как он мчится за нами с высунутым на полметра языком. На Бар-Биче мы встретились снова. Вдоволь погуляв и накупавшись, вдвоем поплелись домой. Прежде чем добраться с пляжа до шоссе, нужно непременно пройти через деревушку с домиками, построенными из циновок. У первого же такого домика Бублик вдруг замер. Я сначала не понял, что так могло заинтересовать моего компаньона, потом увидел. Это был мирно расхаживающий около плетеного домика цыпленок! От возбуждения висящее ухо Бублика приподнялось, и не успел я составить какое-либо суждение по этому поводу, как пес рванулся и помчался за насмерть перепуганным цыпленком. Говорят, что курица не умеет летать. Неправда это! Я сам видел, как цыпленок поднялся и улетел метров за сто. Бублик бросился за другим. Сначала я подумал, что это игра, но вскоре, при виде вдруг выпрямившегося хвоста, у меня появилось сомнение в правильности толкования происходящего. Игра начинала походить на настоящую охоту. Не без возмущения обратился я к Бублику с

требованием немедленно прекратить это безобразие. Но он не обратил на это ни малейшего внимания. Переполох поднялся страшный. В воздухе оказалась еще одна курица, а затем с диким криком взлетел петух. Тогда я бросился за Бубликом, – но разве его догонишь? Он остервенело гнался за цыпленком, который по молодости своей еще не научился летать. На глазах у меня схватил бедного «чиккена» и исчез где-то в кустах.

Да! Я потерял друга! Кто бы мог подумать? Теперь мне стало ясно, почему так смущенно он отказывался от предложенного мною утром завтрака.

Мне было стыдно за моего четвероногого товарища. Что скажут люди? Все так привыкли нас видеть вместе. Ответственность за преступление одного из нас, естественно, ложилась черным пятном на обоих.

Я прошел уже полдороги, молча обдумывая создавшееся положение, когда впереди меня из кустов так же неожиданно выскочил Бублик. Увидев меня, он опустил голову и нерешительно направился в мою сторону. Я схватил попавшийся под руку прут и пошел навстречу. Только наказание могло искупить его вину. И я готов был это сделать. Но случилось непредвиденное. Подойдя ко мне, Бублик упал на спину и поднял лапы. На морде его было написано раскаяние, стыд и готовность понести любую расплату за содеянное. Рука моя так и опустилась, не ударив ни разу. Но

нельзя же безнаказанным оставлять преступление! Я горячо и убедительно принялся объяснять ему всю глубину отвратительности его поступка. Постепенно мои увещевания приобрели более спокойный характер. Бублик понял – беда миновала. В этот день он не стал провожать меня до дому. То ли совесть его мучила, то ли боялся, что я могу передумать и всыпать как следует.

Через несколько дней наши отношения опять наладились, только теперь, проходя через деревушку, я отстегивал свой ремень и цеплял Бублика за ошейник. Бублик покорно подчинялся и даже, проходя мимо цыплят, отворачивался от них, всем видом показывая, что уж кто-кто, а они-то его вовсе не интересуют.

Однажды он встретил меня не в условленном месте, а непосредственно у деревушки. Такой же веселый и приветливый. Я не стал высказывать ему своих подозрений. Кто знает, может быть, он действительно чисто случайно здесь оказался. Но я заметил, что на нем не было его привычного номерка. То ли, гоняясь за цыплятами, он потерял его в колючем кустарнике, то ли детишки сняли, пользуясь доверчивостью моего друга. Бублика же ничуть не омрачила эта пустячная небрежность в его туалете. К номерку он относился, по видимому, как к украшению, а поскольку был не слишком высокого мнения о собственной персоне, эта потеря никак не отразилась на его настроении. Даже наоборот, когда он садился почесать

задней лапой шею, теперь не слышался раздражающий звон. Я же для себя решил достать какой-нибудь жетон или хотя бы номерок от гардероба и как можно скорее нацепить его на ошейник. Но когда через день пришел на Бар-Бич, готовый осуществить свое намерение, Бублика я не встретил. Не явился он и на другой день. Не пришел и на следующий. Долгое время я надеялся увидеть его улыбающуюся физиономию или хотя бы узнать что-нибудь о нем, но так и не пришлось. С потерей номерка Бублик, вероятно, потерял право на жизнь.

Бакланиха

Природа успокаивает меня, но вместе с тем и тревожит. Находясь в тесном контакте с ней, живя где-нибудь в избушке на Урале или пребывая в полном одиночестве в своем родовом доме в деревне, я привожу свои мысли в порядок, выметаю лишний мусор из головы, и вообще кое-что переосмысливаю. В то же время нигде так, как в окружении природы, в облачении естественной тишины, не прослушивается тревожная поступь времени.

Бакланиха – маленький приток Енисея. На мысу, образованном слиянием двух рек, расположился

поселок с тем же названием. Когда-то вся дорога от Красноярска до устья была разбита на станы. На расстоянии однодневного санного прохода стояли ямщицкие избушки. Одна из них, наверное, и стала прародительницей Бакланихи.

Теплоходы здесь не останавливаются. Если какому-нибудь случайному пассажиру надо попасть в поселок, он заранее договаривается о том, чтобы за ним к проходящему теплоходу вышла лодка. Пересаживаться в лодку приходится прямо на ходу.

Домов двадцать на лысом пригорке разбросаны безо всякого плана. Кругом лес.

Из окна дома, где я живу, открываются бескрайние енисейские просторы. Река серьезная и суровая. Весной перепад в уровнях бывает до 10-15 метров. В один из таких паводков пришлось вызывать по радиии вертолет – затопило поселок. Шутить в это время с Енисеем нельзя.

Когда Енисей мелеет, обнажаются громадные площади илистых, а местами каменистых берегов. Они долго сохраняют в себе глубокие ссадины – следы весеннего ледохода и разрушительной силы воды.

Значительная часть населения Бакланихи – кеты: охотники, рыбаки и оленеводы. У кетов свой язык, свой фольклор, свои обычаи.

В Бакланихе живет мой брат Вадим. Он начальник участка в промхозе, на площади которого могла бы разместиться Бельгия или Швейцария. Отпуск

свой я провожу у него: мне нравится первозданная мощь природы и я люблю ловить хариуса.

Хариус, когда его вытаскивают из воды, отчаянно сопротивляется и любыми способами норовит вернуться обратно. Сам по себе он, пожалуиста, выпрыгивает, особенно по вечерам на плесе, когда мошкара всякая к воде прижимается, или на перекате. Отчего же не выскочить на долю секунды и не посмотреть, что в синем небе творится? Это качество в нем мне больше всего и нравится. Выволочь крупного хариуса на берег – большое искусство. Он выбирает самые недоступные для человека места в верховьях горных рек с порогами и перекатами; прячется там в бурлящих потоках воды или стоит в глубоких ямах. Ехать одному за хариусом нет смысла. Во-первых, трудно на лодке по мелководью подниматься, во-вторых, неинтересно. Должен же быть хоть какой-нибудь свидетель для регистрации твоих рыбацких побед!

Вадим, конечно, не лучший кандидат. То есть он незаменим по части владения шестом, мгновенно может завести мотор, на стоянке быстро организовать костер в любую погоду, но вот по-настоящему удивиться первому пойманному хариусу, выразить свое восхищение мастерством напарника – увы! – не может. Уж слишком матерый таежник: за свои сорок лет немало порыбачил в промысловых хозяйствах. Подумаешь хариус! Таймень в 30 килограммов или осетр величиной

с акулу – это рыба! Тем не менее с ним хорошо: всегда есть уверенность, что доберешься до места; все будет в порядке, к тому же, сидя у костра, он может много интересных историй рассказать. К августу Бакланиха обмелела. Пока подпирает Енисей, идем на моторе «Вихрь». Но вот начинаются первые неприятности. Гребень подводной части мотора прыгает по камням. Первый пережат, пора мотор поднимать. Я сажусь на весла, Вадим толкается шестом. Спокойно, без суеты отмеряет он у кормы метры мчащейся навстречу речки. Кажется, что это совсем нетрудно, а вот попробуйте! Я-то пробовал. И сижу теперь на веслах, помогаю, как мне кажется. Иногда садимся на мель, тогда приходится выскакивать из лодки и волочить ее несколько метров в поисках исчезнувшей борозды. После пережата – плес, и можно снова включить мотор. Через 500 метров – опять пережат, на этот раз покруче. Воды так мало, что то и дело натыкаемся на камни. Пережаты следуют один за другим. А тут еще беда: трава наматывается на винт ежесекундно, и мотор глохнет. Так весь день и плаваем. Темнеет. А мы еще до первого порога не добрались. И осталось-то всего километров пять, а вот не добрались. Вода сильно упала.

Останавливаемся у Коровьей речки. Она совсем в ручеек превратилась. И откуда у нее такое смешное название? Уж скорее «Оленья» подходит. Здесь по весне стадо оленей пасется. Ночь почти

не спим. Пеленуемся в клубы дыма, разговариваем, пьем крепкий чай. Комар лютует до самого рассвета и только с утренней росой дает возможность подремать немного.

Наутро – снова за шест и весла. Останавливаемся и делаем «пробу воды» на присутствие хариусов. Никаких признаков! Даже в ямках излюбленных эти рыбы не стоят. Одни ельцы да подъязки. А это разве рыба? Где-нибудь в Подмосковье, конечно, радовался бы такому клеву, а здесь это в порядке вещей. Совсем другие измерения. К полудню подходим к долгожданному порогу. Порожек небольшой, в несколько перепадов, но бурлит, как ниагарский, издали слышен. На пустяки время не тратим; разгружаем лодку – и к порогу. Лодку предоставляю Вадиму: на берегу чувствую себя уверенней...

Спешу первым сделать заброс, но, как нарочно, леска запуталась на удилице. В середине ее образовался узел, и поплавок никак не хочет проскочить это место. А с поплавком хариуса ловить нельзя: очень он подозрительно относится ко всякого рода несовершенствам в рыболовных снастях.

Пока Вадим выводит с помощью шеста лодку на стремнину и налаживает якорь, я успеваю справиться с дурацким поплавком и забросить приманку. И мне повезло. Вываживаю хариуса, а сам думаю: «Несправедливо ведь! Вдруг вот так я первым вытащу хариуса...» Пока так размыш-

лял, хариус проявил свой характер. Мне бы, дураку, его сразу швырнуть за спину в кусты, уж там как-нибудь с ним бы справился. Я же рукой хотел его поймать. И не просто жадно схватить, а красиво поймать, чтобы Вадим не подумал, что я волнуюсь. Казалось бы, подумаешь – невидаль! Обычное дело. А рыба в это время вытворяет что-то удивительное. Она вращается вокруг меня со скоростью обезумевшего овода и при этом совершает такие колебательные движения, что я не могу разобрать, где хвост, где голова. Удилище гудит, и я не знаю, что делать. Чем решительнее протягиваю руку, тем дальше от меня оказывается хариус.

Развязка наступает неожиданно и заканчивается самым тривиальным образом. Хариусу просто надоедает болтаться в воздухе, он срывается и плюхается в воду у самого берега. Бросив удилище, пытаюсь поймать ошалевшего от падения хариуса, но совершаю какое-то бесконтрольное движение, отчего оказываюсь лежащим в воде на камнях, а хариус уходит. Поднимаясь, краем глаза замечаю, как Вадим согнулся от безудержного смеха. Пока я приводил себя в порядок, о дно лодки били хвостами три здоровенные рыбины...

Хариус неожиданно перестал брать. То ли сорвавшийся рассказал остальным о случившемся, то ли я испугал их своим падением. Как бы то ни было, хариус больше не клевал. Необходимо было сменить место, подняться выше.

На руках перетаскиваем лодку через порог. За порогом небольшой плес, довольно мелкий, дно – как на ладони. Ельцы и прочие мелкие рыбы с интересом смотрят на нас, слегка сторонясь лодки. А мы не обращаем на них внимания. Нам хариуса подавай!

Добираемся до следующего переката, потом еще до одного, и так – до Черной речки, приемной дочери Бакланихи. Теперь можно и остановиться. На быстрине травим якорь. Настоящий трехпальный якорь; его Вадиму на самоходке удалось выпросить. Держит крепко. Закидывай удочку и не опасайся, что лодку снесет течением.

Делаю заброс – и сразу же зацеп. Но по тому, как дребезжит леска, чувствую – хариус. Ташу прямо на дно лодки. Прыгай, путай леску, расшвыривай банки с червями! Теперь уж я тебя не выпущу. За первым вытаскиваю второго, третьего, и все оказываются крупными.

Вадим, как мне кажется, начинает беспокоиться. Это у нас с детства. Мы всю жизнь соревнуемся. По всякому поводу. Собираем ли грибы, ухаживаем ли за девушкой, изоощряемся ли в остроумии – каждому хочется быть первым. Вот и сейчас: все ближе и ближе ко мне закидывает удочку. Наконец, есть! Один, второй... десяток один за другим. И вдруг опять клев прекращается. К чему бы это? Уж не к дождю ли? Конечно, к дождю! Мы неожиданно для себя обнаруживаем, что небо вдруг до отказа загромождается большими валунами

облаков. Успеть бы до вещичек своих добраться, пока сухо, – и в избушку. Она тут совсем недалеко. Обыкновенная охотничья избушка. Там можно от дождя укрыться и уху сварить. А потом о жизни поговорить и о своенравном характере хариуса. О многом можно поговорить, сидя в избушке. Особенно когда дождь на улице.

Надежды не оправдываются. Дождь накрывает мгновенно. На Енисее все происходит молниеносно и сразу в полную силу. Едва успеваем вещи погрузить и накрыть брезентом. О себе уж и не думаем. Ватники наши быстро намокают и становятся тяжелыми, как рыцарские доспехи.

Вот и омут, что около избушки. От дождя вся его тихая гладь покрылась крупными пузырями, скрывает что-то таинственное в глубине своей.

Вадим не может удержаться – насаживает на крючок червя и забрасывает в яму. Как только поплавок касается воды, сразу же поклевка. Момчик! Это так нежно ельца здесь называют. За первым следует второй, потом третий и... пошел таскать! Тут уж и я не выдерживаю. Черт с ним, с дождем! Все равно уже промокли насквозь. Какой клев! Такого мне еще никогда не приходилось испытывать. Два часа пролетают как одна минута. Дно лодки блестит от обилия рыбы, и вся она ровная, крупная, с толстыми спинками.

Когда последний момчик попадает на последний кусочек насадки, мы с сожалением констатируем, что рыбалке нашей пришел конец. Дождь

и мокрые ватники сразу же приобрели досадную ошутимость.

В избушке останавливаться уже не имеет смысла. Насадки нет, погода испортилась основательно, и до ночи можно еще попасть домой. Молча отправляемся вниз по течению. Вадим с шестом на корме у мотора, я – на веслах.

Хоть и увлекательная ловля момчика, но это все-таки не хариус. Не умеет он сопротивляться. Болтается на удочке, вроде как на прогулку вышел – подышать свежим воздухом. Хариус – совсем другое дело! Очень он не любит, когда его из воды вытаскивают...

Плыть двадцать с лишним километров под дождем, время от времени переходя на весла и шест, – удовольствие небольшое. К тому же мотор барахлить стал: вода, видимо, попала в карбюратор. Спускаться по перекатам оказывается труднее, чем подниматься. Лодке непременно хочется встать поперек, и, как только она это делает, приходится выскакивать прямо в воду и руками направлять взбунтовавшуюся лодку на путь истинный.

Длинный сибирский день подходит к концу, а мы только у Мертвого леса. В другое время можно было бы остановиться здесь и полакомиться свежей морошкой, в изобилии растущей на болоте. Но сейчас нам не до нее. Скорее бы до дому добраться!

Бакланиха раскручивается, как кинолента, пущенная в обратную сторону. Вот проезжаем нашу

первую стоянку. Остается позади Коровья речка. Дождь постепенно стихает. На горизонте появляется светло-оранжевая полоса, окрашенная отблесками заходящего солнца. Ехать становится веселее. Бакланиха набирает силу, и теперь можно не глушить мотор.

Енисей встречает нас каскадом фантастических красок. Это солнце, прежде чем скрыться за горизонтом, резвится на просторе. Спрятавшись за последнюю тучу, оно выпустило свои многочисленные лапы-лучи, уперлось ими в водную гладь широкой реки и зависло над лесом.

И вот мы дома. Перетаскиваем мокрые вещи, снасти, рыбу. Разжигаем в плите огонь. Что может быть вкуснее жареного хариуса и крепкого свежесваренного чая!..

Солнце уgomонилось, скатилось за горизонт, разбросав по небу перья своего пышного многоцветного хвоста. Ночь, подкравшаяся с востока, уже накрыла собой несколько крайних домов поселка. С Енисея донесся гудок проходящей самоходки.

– Товарищи пассажиры! Вы находитесь на борту дизель-электрохода «Калинников». Так он назван в честь русского композитора Калинникова, который в своих произведениях воспевал красоту русской природы. Дизель-электроход совершает рейс по Енисею Красноярск – Дудинка и обратно. На борту нашего дизель-электрохода имеется два ресторана, которые расположены в кормовой ча-

сти, и два буфета. В носовой части верхней палубы к вашим услугам имеется салон отдыха, где вы сможете при желании получить настольные игры, журналы и газеты. Ежедневно с часу до двух в радиорубке вы можете послать телеграмму в любую точку нашей страны. Там же можно заказать любую музыку, которую бы вы хотели послушать по нашему радио.

На борту дизель-электрохода запрещается: сорить на палубах и в каюте; ходить в купальных костюмах по палубе и в салонах; купаться с борта дизель-электрохода; сидеть на перилах и бортах. Во избежание несчастных случаев не оставляйте детей без присмотра. Счастливого плавания! Спасибо за внимание!

Я еще накануне с вечера залег в каюте второго класса на восемь человек. Утром мужской голос снизу первым ворвался в мое сознание.

– Слушай, друг! Насилу дождался, когда ты проснешься. Твоя водка? Разреши опохмелиться. Голова трещит, а буфет только в десять откроется.

– Валяй, опохмеляйся, – сказал я.

Черный остров

Черный остров притягивает, как мечта. Кажется, что он плывет по Енисею, разрезая его на две части. Вон там, на самом носу, и поставить палатку. В бинокль хорошо видны камни, бревна, заброшенные паводком, песчаный обрыв, деревья, толпящиеся на краю.

Но без бинокля остров интереснее. Есть что-то загадочное в нем. Цвет его меняется каждую минуту. Иногда он весь черный, иногда фиолетовый или вдруг сразу весь делается полосатым. Хамелеон одним словом.

Над островом много-много неба. И на нем все время что-нибудь происходит. То оно чистое, то до отказа набито облаками. Тогда солнцу с трудом приходится продираться сквозь них, чтобы хоть одним пальцем дотронуться до Черного острова. И тут же это место загорается удивительно светлым пятнышком.

Под островом много-много воды. Даже больше, чем неба. Она, как обезьяна, передразнивает все, что делает небо. Это если ветра нет. Ну а если ветер, то вода ведет самостоятельную жизнь. Делается холодной, жуткой. В такую погоду лучше в лодку не садиться – захлестнет.

Мы с Генрихом – на лодке с подвесным мотором «Вихрь». Хороший мотор: на полных оборотах готов забросить нас на небо. С трудом удерживаем его.

С Генрихом можно поговорить на любые научные темы, например о турбулентности, или об оптимальных параметрах подводной части судна, или даже о теории относительности Эйнштейна. Но о ловле рыбы он не имеет ни малейшего понятия. Тем приятнее мне рассказывать ему о самых невероятных случаях из моей практики. То есть это тот самый вакуум, которого так порой не хватает рыболову для полного счастья.

Сюда мы приехали без определенной цели. Просто посмотреть на Енисей, на природу, отдохнуть от городской сутолоки. Генриха я называю

Наваррским, а он меня – «командором» за мою страсть быть главным.

Нам приглянулась песчаная площадка почти на самом мысу. Первым, кто нас встретил на этом необитаемом острове, был (кто бы мог подумать?!) комар.

Здравствуй, комар! Сколько поколений твоих погибло от голодной смерти, прежде чем мы здесь объявились! Теперь вы спасены: мы вас накормим. Правда, вас слишком много, а у нас есть «рипундин», «дэта» и аэрозольный препарат, но ведь кроме рук, ног и лица есть еще и другие части тела, из которых можно отлично сосать кровь.

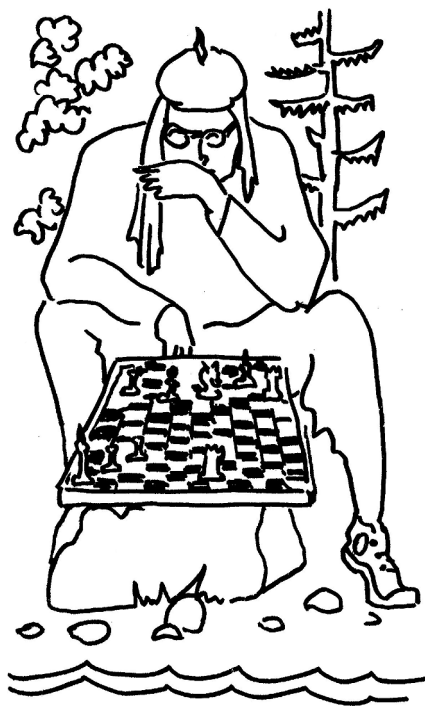
Мы одни на необитаемом острове. В одну сторону – 27 километров, поперек – не больше одного. Я – Робинзон, Генрих – Пятница, ну а роль козы досталась Кустику, псу средних лет, который сам изъявил желание ехать с нами.

Дни наши на острове проходили приблизительно таким образом. Утром мы долго спали. Долго – по красноярскому времени. Разница-то в четыре часа. Да и нельзя это было назвать сном. Он перемежался атаками комаров и нашими контратаками. Затем, обескровленные и измученные борьбой, мы поднимались. Генрих некоторое время привыкал к состоянию бодрствования, а потом обстоятельно совершал все манипуляции утреннего туалета. Я же лез в воду. Больше для самоутверждения. Наваррского ни разу не удалось загнать в Енисей – очень уж он враждебно настроен

к холодной воде. Затем он вступал в единоборство с вечно потухающим костром, а я – с грязными кастрюлями и съестным. После завтрака Генрих садился у костра и ждал, когда я предложу сыграть партию в шахматы. Я же обдумывал, с чего сегодня начать рыбную ловлю. Наконец, поговорив некоторое время о том, как нам здесь хорошо, Генрих сам предлагал мне сыграть партию. Но я отказывался и, взяв рыболовные снасти, спускался к реке.

Дальнейший распорядок дня зависел от поведения рыбы. Если рыба не клевала, то Генрих с удовольствием выигрывал у меня партию, а то и две. Ну а если клевала, то тут уж ничего не оставалось, как ждать, когда она перестанет клевать.

Страсть к ловле рыбы у меня была всегда. Еще мальчишкой я мог часами по пояс в воде стоять в канаве за мельницей. Но спиннинга никогда в руки не брал. Я его боялся.

Слишком сложным он мне казался. И все время где-то было сомнение: с чего это рыба вдруг станет хватать пустой крючок? Но самое главное препятствие, конечно, то, что, прежде чем начать ловить спиннингом, нужно научиться забрасывать приманку. Это обстоятельство, по-видимому, и задержало мое развитие как спиннингиста.

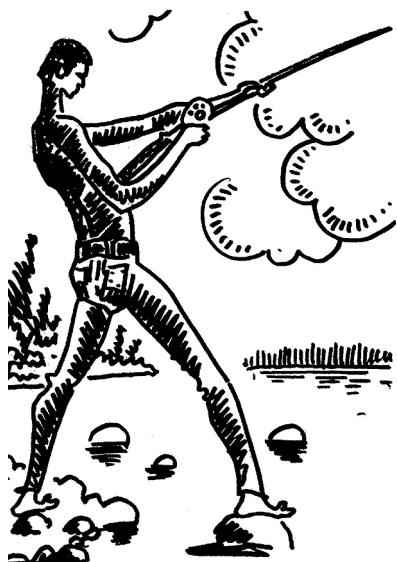
Но теперь у меня есть спиннинг и есть безграничная гладь воды, куда можно бросать блесну. И еще одно немаловажное обстоятельство: нет свидетелей моих первых неудач.

Я так долго готовил себя мысленно к этому занятию и так у меня это здорово (опять же мысленно) получалось, что на неудачу я не очень рассчитывал. Правда, знал, что спиннингист долго должен тренироваться на суше. Просто грузик бросать где-нибудь на песке, и все тут. Ну а где же здесь, на Черном острове, найти ровное место и песок? Я уж прямо на воде буду тренироваться. Катущку поставил на тормоз. Тормоз слабенький (катушка маленькая, пластмассовая), блесна большая – долетит куда-нибудь. Забросил. Этим «куда-нибудь» оказались камни. Кидал в сторону воды, а блесна полетела почему-то совсем в другую сторону. Сделал поправку. Попал в воду, но близко к берегу. Сделал еще поправку. Ага! Уже почти хорошо. Короче говоря, через некоторое время я пришел к выводу, что целиться нужно прямо в лес; только тогда попадешь, куда нужно. Это обстоятельство меня несколько удивило и насторожило. У насто-

ящих спиннингистов вроде так не бывает. Решил отпустить тормоз. Тем более что уж очень недалеко летит блесна. И вот вам – пожалуйста! Новая неприятность – «борода»! Трудно себе представить более бездарную трату времени, чем распутывание «бороды». А здесь еще и комар к тому же. Он будто только и ждал, когда же, наконец, я сделаю «бороду». И вот дождался. Пришлось бежать за «рипудином». Час драгоценного времени был выкинут из жизни, уничтожен. Нет уж, лучше с тормозом кидать. Пусть недалеко, но зато безопасно. Да и потом – какая здесь рыба? Камни и только. Разве окунь возьмет...

«Борода» повторилась. Даже с тормозом. Но не очень большая. Черт с ней! Наматываю прямо с «бородой», чтобы блесна не опустилась на дно

и не застряла в камнях. Нет, все-таки зацепилась. Только этого и не хватало! Пошла, слава богу! Нет, опять зацепилась. Неужели в воду лезть? Тяну сильнее – ведь камни скользкие. Это же не коряги. Кручу ручку катушки. Пусть блесна выйдет, а потом буду «бороду» распутывать. Но леска опять натянулась.

И что же я вдруг увидел? Щучье рыло! Громадную щучью голову с раскрытой пастью! Вот чудеса! Когда же это она успела, дура? Ведь у самого берега! Вид у меня был, надо полагать, весьма странный, ибо щука посмотрела одним глазом, нырнула в воду и давай крутить там, выделявая что-то непонятное. Щучий танец, должно быть. Ручка катушки вырвалась, и по острову раздался пулеметный треск. Я бросил спиннинг и схватил леску. Есть! Сидит, ведьма!

У берега щука смирилась с печальной участью и дала себя вытащить на камни. Ничего щучка! Килограмма на три. Оказывается, спиннингом можно ловить! Уж теперь-то я наверняка стану спиннингистом! А сейчас самое главное – не терять

времени. Ведь не одна же она здесь. Но сначала нужно представиться с добычей моим согражданам по острову.

Генрих схватился за фотоаппарат, а Кустик сдержанно вильнул хвостом. Мог бы быть и поэмоциональнее – ведь первая щука!

Прежде чем возобновить ловлю, я решил внести в снасть некоторые усовершенствования. Смотал с катушки метров десять лески (максимальное расстояние, на которое мне удастся забросить блесну), а оставшуюся на катушке закрепил изоляционной лентой, чтобы она не могла участвовать в образовании «бороды».

И вот я опять на том же месте. Встал спиной к воде. Красиво встал. Размахнулся и забросил. Красиво бросил. Никогда так хорошо не бросал. И... о, боже! Что произошло? Блесна, преодолев земное притяжение, улетела в бесконечность. Во всяком случае, на спиннинге ее не было. У катушки – только оборванный конец лески. Правда, мне показалось, что где-то далеко-далеко от берега был всплеск. Может быть, это была рыба. А блесны нет. И во всем виновато дурацкое усовершенствование. Нет, не выйдет из меня спиннингиста...

Недолго просидели мы на острове. Выяснилось, что ночевать удобнее дома, на Бакланихе, – там комара нет. И вообще, место, которое со стороны реки казалось таким заманчивым, для лагеря было совсем непригодно. Маленькая лагуна,

образованная двумя мысами, представляла собой углубление в острове. Никакого продувания. Вот комар там и скапливался. Даже Кустик не выдержал. Скулил по ночам и просил защиты. А чем мы могли ему помочь? Сами страдали.

...Черный остров подскочил над водой на несколько метров. Висит в воздухе. Это оптический фокус. Чем дальше горизонт, тем отчетливее остров повисает в воздухе. Сначала гладь воды, потом полоска голубого неба, затем полоска камней, леса и опять небо. Совершенно фантастическая картина.

Прощай, Черный остров! Издалека ты гораздо приветливей и добрее. Но за первую щуку, пойманную спиннингом, большое тебе спасибо!

Сибирские впечатления

Жакасия – страна бежевых холмов с темными островками березовых рощ и гладких полей, засеянных кукурузой. То там, то здесь копошились отары стриженных овец, словно груды серых обкатанных булыжников.

Наклонные камни-могильники стояли как противотанковые надолбы; все холмы завершались драконьими хребтами, которые были, видимо, их каркасом, основой долголетия этих курганов.

А в общем, дорога была довольно однообразна. Приближаясь к руслу Енисея, вернее, к Енисейскому морю, увидели спускающиеся в него конические горы.

Мы допоздна брели по степи на своем РАФе, не встретив ни одного кустика. Когда же добрались до Абакана, увидели затопленные деревья и верхушки кустарника. Несмотря на изобилие воды, рыбы не было.

Кебеш – мелкая речка, но по ней прошел бульдозер, выкопал несколько метров да запрудил ее.

Утром Арнольд Геннадьевич надел красные плавки и стал бегать по кругу.

– Хочу немного похудеть, – сказал он.

За ним побежал и я, движимый тем же желанием.

Николай охотился за оводами, которые не садились на него, а почему-то предпочитали меня.

Я стал носить Коле оводов и слепней.

Зачем ему оводы? Ловить хариуса! Для этой цели в машине под ногами, мешая входу и выходу, лежала куча удочек. Но хариус почему-то не соблазнялся ни оводами, ни слепнями.

Обычно Николая силой в воду не загонишь, а тут вот сам, по собственной воле, залез в ледяную речку и готов простоять в ней хоть весь день...

«Засаянило» уже довольно крепко. Под машиной глубокий обрыв; параллельные декорации громоздятся друг над другом, перепевая на все лады синие, лиловые, зеленые оттенки. На перевале остановились, отсюда открывалась панорама Саян.

Здесь же валялись ржавые консервные банки – следы туристской стоянки. Мы полюбовались «Столбами» – странными естественными архитектурными сооружениями из многотонных камней.

Анастасия Александровна – скалолазка, как все красноярцы. Она мгновенно влезла на «Столб» и к уже имеющимся надписям «МАДИ», «МГУ», «Вася», «Миша» прибавила свою: «Настя».

...Из-за горы надвигался «фронт». Так говорят метеорологи. А попросту – собирался дождик. Наше и без того мрачноватое место совсем потемнело.

Роман и Арнольд Геннадьевич, торопясь, ставят палатки. Мы с Николаем таскаем хворост.

Борис с Алей чистят картошку.

Радий – наш проводник – взобрался на мост с ножовкой и пилит лишние бревна. Впрочем, они уже все лишние – больше этот мост ни на что не годится: Усинский тракт располагает каменным, а этот остается только сжечь.

Анастасия Александровна попросила освободить ее от хозяйственных дел и сейчас купает удочку в речке. Мы по опыту знаем, что в данном случае ждать рыбы не приходится. Тем не менее к ее просьбе отнеслись с некоторым уважением. Чем черт не шутит? Раз заядлым рыболовам не везет, может быть, повезет женщине? Но после первого же заброса оптимизма у нас поубавилось: леска зацепилась за сучок повисшей над речкой ели и никакими ухищрениями не удавалось ее отцепить.

Место, которое мы выбрали для стоянки, было полем боя осин с лиственницей. И лиственница победила, а если иногда и попадаются осины, то лишь как пленницы, окруженные со всех сторон суровой стражей.

Горы были похожи на взрезанный арбуз: зелено-желтая пятнистая кожура и рваная красная середина. Эти горы – когда-то бурлившая руда, а теперь красная затвердевшая порода. Еще недавно она была завернута в серо-зеленый плющ, а сейчас бурые жужелицы торчат из прожженных дыр.

До озера по карте четыре километра. Мы идем уже все восемь, а озера нет. Дорога (вернее, не дорога, а лишь ощущение ее) лежит через болото. Радий, белесый и сухощавый, в белых морских широких брюках и рваном рязанском сомбреро, – впереди. Все остальные растянулись на полкилометра. Плетутся, болтают, глазают.

– Божья благодать! Как бедны те люди, которые не видят этого, а ведь их большинство!

Не могу не отметить, что красота кругом поражала даже самого нудного нытика.

Гигантские «ежики» – чистилки керосиновых ламп самого Господа Бога – кедры, иным полтыщи лет; горы, покрытые тонким пером ельника; грозные скалы, в которых аборигены угадывают лежащих людей, так их и называя – «покойники»,

– все это наполняло душу благолепием, освобождая ее от суетности повседневной жизни.

Путь наш лежал к главному «покойнику».

«Покойный» был, очевидно, ассиро-вавилонцем, судя по профилю. От подножья до его орлиного носа, наверное, не менее тысячи пятисот метров; это была скала из полукруглых амфитеатров, она наводила на мысль о лунных ландшафтах...

На озеро вышли внезапно, с подъема прямо на плоскую площадку. «Покойный ассириец» огибал горное озеро, из которого торчали большие плоские камни.

У озера стояла зеленая палатка, возле которой сидели две молоденькие девушки и четыре парня. Николай углядел рыбы потроха, которые валялись на земле.

– Я вижу, хариуса ловите?

– Хариус есть... – ответили нехотя.

– Ну все, я ловлю! – оживился Николай.

– Плот у них возьмите. Здесь есть плот, – сказал Радий.

Еще по дороге сюда Николай все время подбегал к речке, вытекающей из этого озера, и, как охотничья собака, делал стойку, высматривая хариуса. Радий уверял его, что в озере непременно должен быть хариус.

Я пытался нанести на бумагу свои ощущения разноцветными фломастерами.

Но скоро понял, что природа сильнее моих возможностей. Тогда и я решил приобщиться к стра-

сти рыбной ловли. Надо же и мне когда-нибудь по-пробовать! Взял удочку и встал рядом с Николаем, дабы получить первые уроки у настоящего мастера этого хитрого дела. Тут же узнал, что лучше всего хариус ловится здесь на несколько необычную, с моей точки зрения, насадку. Оказалось, что достаточно выстричь из шевелюры, а еще лучше из бороды клочок волос, привязать их выдернутой из свитера красной ниткой к крючку – и лакомство готово. И потом совсем не нужно, закинув удочку, долго и нудно ждать, пока рыба соизволит клюнуть. Надо повесить крючок с волосами и ниткой (это сооружение, как выяснилось, почему-то называется мушкой) над самой водой и периодически окунать его. Характер у хариуса странный: когда крючок в воде, он ему не нужен, но как только выскочит на поверхность – тут он его и хватает! Реакция у него замедленная, что ли?

Радий в наших занятиях усмотрел несерьезность, махнул рукой и полез выше, к лунным пейзажам. За «покойником» оказались другие цирки: еще более дикие, полосатые горы, напоминающие освежеванные туши. Да, из-за этой рыбалки упустил я уникальную возможность посмотреть нечто абсолютно первозданное.

Незаметно вечерело.

Стали покрикивать рыболовам, чтобы те закруглялись.

– Как можно уйти, – удивился Николай, – ведь самый клев!

В самом деле, в хлорвиниловом пакете было уже штук двадцать небольших хариусов.

– Отдадим туристам? – предложил Николай.

– Зачем?

– А чистить неохота.

– Коля, ты круглый идиот. Ни за что, ни рыбки, тем более что они плота не дали...

Мы едем по Усинскому тракту на Кызыл.

За машиной бежит, как собака, река Буйба. В нее обрываются отвесные, пестрые от сбросов скалы, расписанные причудливыми фресками самой природой.

На много километров тянется бревенчатый забор четырехметровой высоты – маралий заповедник.

А вот и стадо.

Маралы подпускают метров на сто, а потом стадо, как единый механизм, начинает двигаться, плавно и грациозно перебирая множеством тонких, написанных легкой тушью ног.

...Горы полысели, округлились и встали на абсолютно плоский желто-зеленый наст.

Начиналась Тува.

Дорога на озеро Чагытай грунтовая, но утоптанная, утрамбованная, кусты белесой полыни перемежаются чем-то зеленым; дорогу то и дело перебегают юркие зверьки с длинными хвостами, а перебежав, становятся столбиками – тарбаганы.

Безлюдную степь холмило и пучило, попадались иногда круглые юрты, а у озера, которое оставалось левее, был разбит целый лагерь из юрт.

Впрочем, и легковых машин, и палаток тоже хватало. Это соленое озеро, вода которого считается здесь панацеей. Насыщенность солью столь велика, что человек не может в нем утонуть. Больные всеми болезнями вереницей стекаются сюда, чтобы оставить эти болезни в чудодейственной воде. Мы бы тоже полечились, если б не боялись этих больных всеми болезнями.

Но вот при вечернем освещении открылась равнина с гладким зеркалом посредине, километров семи в диаметре; равнина упиралась в горы мягкого профиля, покрытые разлапистыми лиственницами с черными шишками. Просторно, звонко. У берега шишковато, мшисто, слегка болотисто, до леса около километра.

Разгрузили машину и в лесочке стали ставить палатки...

В восемь утра, выспавшийся и бодрый, я пришел на озеро. С двух лодок, Николай – с одной, Арнольд Геннадьевич – с другой, довольно активно таскали язей. Я же разделся, нырнул и, продравшись сквозь прибрежные водоросли, выплыл на веселый простор.

Ясное небо, жаркое солнце, прозрачная, прохладная вода – все настраивало на оптимистический лад. Я отплыл далеко от лодок, напился воды и поплыл к берегу.

– Чисть рыбу! – крикнул мне с лодки Николай.

Вооружившись ножиком, я принялся за привычное занятие.

«Жирная рыба», – подумал я, распоров брюхо язю, но тут же почувствовал позыв к тошноте: то, что я принял за сало, оказалось ленточным червем-солитером. Рыба в озере была заражена солитером. Некоторые язи даже раздулись – так разросся червь в брюхе рыбы.

Сначала мы думали переночевать у Чагытая две ночи, а теперь решили уехать. Рыбу ловить уже не хотелось, воду пить из озера нельзя, даже купаться боязно – вдруг солитер куда-нибудь заползет.

Сделав круг по Юго-Восточной Сибири, мы вернулись в Хакасию – страну грустных полосатых холмов, могильников из наклонных камней. Плавные горы смотрели друг из-за друга голубыми и лиловыми параллельными кулисами. Мы едем на солнце. Дорога, пока это асфальт, – чистое золото, горячее, расплавленное. Там, где кончается асфальт, начинается сплошное наказание: машина скачет, гравий бьет по днищу, грозя пробоинами.

Ночь наступила, а мы все едем и едем. Отчего путь туда короче, чем обратно?

Только часов в одиннадцать свернули на какую-то проселочную дорогу к Енисейскому морю.

...В пять утра я потряс Николая за плечо.

– Вставай рыбу ловить.

Но у Николая есть особенность: он готов простоять целый день с удочкой в ручье и абсолютно

равнодушен к большим водным пространствам, озерам, морям.

Он только глубже спрятал метлу волос под одеяло. Поднималось солнце. По пояс в воде стояли алые горы.

Притарахтел старенький мотоцикл «ИЖ» с мужиком в кожанке. Тот пятнадцать минут походил. Бросил спиннинг здесь, там. Вжик-вжик!

Погрузил мешок окуней на багажник и прозаически уехал, а бросавший блесну за час до него Арнольд Геннадьевич не вытащил даже солитерного подъязка.

– Бросать не умею, – грустно объяснил командор. Проснувшийся все-таки Николай приладил к удочке мушку из своих же волос (из его волос можно и слона сделать), разыскал плот из абсолютно разновеликих и несоединимых предметов. Тут тебе и бревно, и доска, и коряга – все связано проволокой и закреплено большим камнем на тросе. Николай оттолкнулся, и мы почувствовали было вкус уха, но, видимо, клев уже кончился или рыба не сочла угощение из волос Николая достаточно соблазнительным.

А ведь это была наша последняя стоянка.

Какая-нибудь сотня километров – и мы в Дивногорске, конечном пункте нашего путешествия.

С одной стороны – Красноярское море с затопленными лесистыми горами, так что торчат одни вершины, с другой – стометровый перепад плотины,

Красноярская ГЭС посередине. На плотине целый лес из рам токов высокого напряжения, кранов, подстанций. В воду спускаются гигантские бетонные трубы, их восемнадцать – это турбины. Масштабы сверхчеловеческие, сравнить не с чем. Может быть, поэтому человек не потрясается до обморока.

Слава богу, начался асфальт, кончилась барабанная дробь гравия. Осталось только истратить неизрасходованную общественную пятерку на сок, на мороженое, на моток колбасы – что попадет, чтобы начпрод Николай остался чистым, а у членов экспедиции не осталось горького осадка, что они что-то недополучили из причитающегося им моря наслаждений.

Владимир Лемпорт
Рисунок автора

Мошка

Рыбалка – не моя стихия. Мне скорее свойственно сидеть дома, копаться в коллекции минералов и любоваться красотой разводов на шлифах агата, яшмы, малахита и других уральских самоцветов. По роду профессии мне иногда приходится выезжать в экспедиции, подолгу сидеть на горных речушках, жить в палатках или охотничьих избушках и коротать время в обществе заядлых рыбаков. Глядя на этих людей, часами и сутками просиживающих на берегах водоемов в дождь, ветер, зимнюю стужу с замысловатыми приспособлениями в руках, я не переставал удивляться их самоотверженности, терпению и отреченности от благ современной цивилизации. Что за страсть управляет поступками людей, именуемых рыбаками?

В этом году мне представился весьма удобный случай покончить раз и навсегда с чисто созерцательным отношением к этому сомнительному, с моей точки зрения, жанру человеческой деятельности. Мне было необходимо провести первую

оценку пород геологической экспедиции, работающей в северной части Среднего Урала.

Человеку, который привык иметь дело со сложнейшими химическими формулами минералов, с тончайшими измерительными приборами, такая премудрость, как рыболовные снасти, кажется просто пустяковой проблемой. Кое-что по этому вопросу я уже знал из художественной литературы, а полистав специальные журналы, очень быстро освоил все тонкости устройства и изготовления примитивных, на мой взгляд, орудий для ловли рыбы. Обилие вариантов и противоречивость рекомендаций, касающихся способов вылова рыб одних и тех же видов, указывали на какое-то неблагополучие в рыболовной науке, на отсутствие чистого эксперимента.

Я решил сам разобраться в этом запутанном деле и решительно отправился в магазин. Закупил самое совершенное орудие ловли – спиннинг и все необходимые компоненты, составляющие это загадочное сооружение. В качестве небольшого усовершенствования приобрел одноместную резиновую лодку. Мне часто приходилось наблюдать, как рыбаки мучились, пытаясь преодолеть на своих тяжелых лодках мелководные перекаты. Покупка резинового судна должна была, по моим расчетам, намного облегчить задачу.

Небольшой самолет АН-2 высадил меня на крохотной площадке, отвоеванной у тайги лесорубами, вблизи небольшого поселка. Отсюда про-

двигаться дальше на север предстояло на лодке с подвесным мотором.

В поселковой столовой я довольно быстро «зафрахтовал» судно, идущее вверх по Вишере. Генка – хозяин лодки – согласился доставить меня до конечного пункта. Договорились выехать на заре. Хозяйка дома, где я ночевал, предложила взять с собой собачку. Я подумал, если до прихода партии с пробами грунта мне придется некоторое время жить одному в охотничьей избушке, то почему бы не приобрести в этой рыжей собачонке традиционного четвероногого друга. С первого взгляда оценил ее веселый нрав, беспредельную доверчивость и юмор, запрященный в глубине рыжих, слегка раскосых глаз. На задних лапах у нее, вопреки обыкновению, было шесть пальцев, что также указывало на уникальность моей избранницы. Хвост же, как и у всех местных собак, закручен в крутую спираль. Мы стали друзьями с первого взгляда. Звали ее Мошкой.

Гена, снаряжая лодку и увидев меня с собакой, выразил неудовольствие:

– Зачем она вам? Вы же не охотник, и кормить опять же надо.

Чудак! Он, по-видимому, не обратил внимания на мой спиннинг. Уж одну-то собаку как-нибудь прокормлю.

Сначала все шло хорошо. Мошка, встав передними лапами на нос лодки, внимательно изучала встречные запахи. Когда ее остренькая мордочка

попадала в струю особенно приятных, она начинала суетиться и меланхолично взвизгивать. Сразу видно – рабочая собака.

На пятом или шестом километре полетела шпонка. Пришлось пристать к берегу. Мошка «на минутку» выскочила погулять и... пропала. Сколько мы ни кричали и ни свистели – никакого результата. Я предложил Гене выстрелить, зная, что некоторые собаки обязательно прибегают на выстрел. Мошка «к некоторым» не принадлежала. Гена соорудил таганок, повесил котелок для чая, а я отправился искать недисциплинированную собачку. Полчаса лез по бурелому, бессмысленно кормил комаров – и ничего. Мошка исчезла. Гена более чем многозначительно молчал. Ему засветло нужно было вернуться домой. Угрюмо собрав посуду, он решительно направился к лодке. И вот стоило ему только один раз рвануть стартер, как тут же из травы рядом с погашенным костром вынырнула слегка озабоченная физиономия нашей «мерзавки». Она никуда и не убегала. Ей, видите ли, глубоко безразличны были наша возня со шпонкой и прочие хлопоты. Убедившись, что мотор завелся, она сама прыгнула в лодку, встала в свою обычную позу и закрутила влажным черным носиком.

Река обмелела, и нам раза три пришлось приставать к берегу для замены злополучных шпонок. На время стоянки я каждый раз привязывал собаку к лодке. Только благодаря такой предусмотритель-

тельности нам еще засветло удалось добраться до намеченного пункта.

Свежесрубленная избушка была поставлена на редкость удачно для проведения моих рыболовных экспериментов. Напротив – небольшой спокойный плёс, а метрах в трехстах выше бурлило несколько каскадов пенящейся воды. Торчащие из воды камни были похожи на спины замерших бегемотов. За буйный нрав весенних паводков местные жители называли эти пороги «Разбойником».

Тайга, безмолвно слушая несмолкаемую брань реки, плотной зеленой завесой нависла над искрящейся на солнце чешуей воды.

Чуть пониже в основное русло впадала небольшая безымянная речушка – тоже хороший признак. Хариус любит толпиться в устье небольших притоков.

Гена, выгрузив вещи, пожелал мне счастливой рыбалки и укатил домой. Мы остались одни.

Мошка занялась исследованием прилегающей к избушке территории, а я, сняв резиновые сапоги и скинув шерстяные носки, растянулся на прибрежной траве, наслаждаясь спокойствием тайги, шумом реки и нежным теплом заходящего осеннего солнца. В отдаленном шуме сварливого порога мне чудились поразительно знакомые звуки забытого детства: скрип несмазанных телег, мычание вернувшихся с выпаса коров, голоса баб, загоняющих в хлев

овец, скрип пустых ведер и даже пение полуугасшего самовара. Незаметно для себя задремал.

Беспокойство, вызванное шумом в изголовье, вывело меня из сонного оцепенения. Огляделся. Мошка деловито теребила мой шерстяной носок, проигрывая воображаемую борьбу с неким придуманным ею зверем. Окончательно проснувшись, я сказал спокойно, но убедительно:

«Мошка, нельзя!»

Никакой реакции. Я точно так же мог бы обратиться и к камню, торчащему из воды напротив. Повторил команду. Ничего. Потянулся было рукой, и ее как ветром сдуло. Вместе с носком. Босиком помчался за ней по кустам, кочкам и бурелому. А ей только этого надо было. Не сразу догадался, что это была заранее продуманная провокация. Изменил тактику: сделал вид, что мне абсолютно наплевать на носок и вообще на все происходящее. Сел, отвернулся и закурил. Мошка сразу же потеряла интерес к носку, и через минуту он был у меня в руках. Но носки, пусть даже самые теплые и хорошие, имеют ценность только тогда, когда они в паре. Так вот второго носка на месте я не обнаружил. Это обстоятельство, по сути, ставило под угрозу весь комплекс намеченных мною мероприятий по эксперименту с рыбалкой. Оказаться в тайге без носков – само по себе уже нездорово. А простоять в ледяной воде в резиновых сапогах на босу ногу – ни один, даже самый отменный, рыбак не решится.

В тот вечер я с Мошкой не разговаривал.

Почему-то среди рыбаков существует мнение, что рыбалку нужно начинать как можно раньше, с утра. Я не раз видел, как рыба клевала и днем, и вечером, и даже ночью.

И не было никаких видимых оснований для предпочтения именно такого времени. Я подозреваю, что, скорее всего, это удобный повод пораньше смыться из дома. Решил проверить свое предположение на собственном опыте. Будильник разбудил меня ровно в пять утра.

Река, лес, избушка – все было закутано в белый пододеяльник сумеречного тумана. Пора! – решил я и стал собираться. Мошка посмотрела на меня с некоторым недоумением, но вмешиваться не стала. Свернувшись бесстрастным клубком у порога избушки, продолжала дремать. Даже не поинтересовалась, как я обойдусь без носков. Лодка с помпой, спиннинг, ящик с червями, заранее услужливо накопанными Геной, веревка для якоря, запасные крючки и прочий рыбацкий инвентарь связаны в компактный узел. План был таким: я поднимаюсь пешком до плеса выше порогов, надуваю лодку, выхожу на середину реки и с помощью якоря с небольшими интервалами начинаю спускаться к избушке, проверяя на наличие хариуса ямки и подкаменные буруны. Задумано все прекрасно. Лодка хорошо выдерживала массу моего тела, рыболовного инвентаря и здорового булыжника-якоря, обвязанного веревкой,

который должен был послужить надежным стоп-краном. Сидя, как в кресле, на пружинистом дне лодки, я медленно приближался к шумящему в тумане «Разбойнику». Даже удивительно, что такая простая идея с резиновой лодкой не приходила до сих пор никому в голову.

В молоке тумана показались неясные очертания камней. Я сбросил в воду самодельный якорь. И тут произошло непредвиденное: вместо того чтобы остановиться, лодка стала набирать скорость. Чем дальше, тем больше. По-видимому, что-то произошло с якорем. Повернув голову назад, я увидел извивающийся свободный конец веревки. Лодка перешла в подчинение малознакомых мне законов гидравлики. Природа не замедлила продемонстрировать на моем заду все многообразие следствий этих законов. Со дна лодки посыпались удары. Сначала деликатные, как бы предупреждающие, а потом все более сильные и резкие. Один был настолько значительным, что я на секунду оказался парящим в воздухе. Только чудо помогло мне опуститься на борт едва не выскользнувшего из-под меня судна. В мгновение ока скатился я по наклонной спине «Разбойника» и замер вместе с лодкой напротив избушки, там, где впадающая речка вырыла весенними паводками глубокую яму. Никогда в жизни не предполагал, что на столь коротком участке реки может находиться такое количество скрытых подводных камней. Это, собственно, и был

тот единственный полезный вывод, который мне удалось извлечь из первого печального эксперимента. Пока приходил в себя, краем уха услышал, что к отдаленному шуму «разбойничьей» брани со стороны избышки примешался еще какой-то подозрительный плеск. И вот перед очами моими явилась плывущая ко мне Мошка.

То ли на помощь спешила, то ли надоело болтаться без дела одной около избышки – не знаю, но, пока я размышлял об этом, сопоставляя причину и следствие, ее передние лапы оказались на упругой колбасе борта лодки. Рывок – и Мошка в лодке, а спиннинг, задетый задними шестипалыми лапами, плюхнулся в воду и тут же благополучно затонул. Отряхнув на меня всю воду с намокшей шерсти, сунула свою холодную мордашку мне в колени, думая, что именно сейчас она больше всего заслужила поощрения и ласки.

–...! ...!

Мошке, тайге, туману и проснувшимся птицам пришлось выслушать довольно длинный монолог, смысл которого в основном состоял в беспорядочном наборе междометий и бранных слов. И, может быть, поэтому туман стал быстро редеть. Лодка закружилась в бессмысленном водовороте турбулентного вальса. Потом нас прибило к берегу. Хорошо задуманный эксперимент, можно сказать, провалился.

Потеря спиннинга и боль от ушибов, нанесенных своенравным «Разбойником», в значительной

степени подорвали мой интерес к продолжению рыбалки, а отношения с Мошкой оказались на грани разрыва. Спиннинг затонул в самом глубоком месте, и вряд ли можно было рассчитывать на его извлечение. Прокатиться еще раз по каменистой спине «Разбойника» у меня не было решительно никакого желания. Вместе с тем совсем отказаться от рыбалки тоже как-то не хотелось. Гордость не позволяла.

Сидя у костра, я обдумывал создавшееся положение. Постепенно в голове начал вырисовываться новый план освоения этого вида спорта.

Еще по дороге сюда Гена обратил мое внимание на торчащую прямо из реки небольшую скалу с красивым названием «Железный Камень».

«Здесь всегда стоит хариус, – сказал он, – и ловить его можно прямо со скалы. Только тащить нужно осторожно. Если повезет, за час ведро надергать удастся».

У меня остались все принадлежности к спиннингу, а хариусу, в конце концов, абсолютно все равно, на какую снасть он попадается. Срубил сухую длинную небольшую ель, оскоблил ее, изготовил и прикрепил изоляционной лентой самодельные кольца из проволоки, той же лентой прикрутил запасную катушку. Теперь дело за самой удочкой, со всеми ее составными деталями. У меня в запасе был стометровый моток лески – как раз то, что надо. Освободился от ниток, предохранявших от спутывания, и, положив моток на пенек,

на секунду отлучился за ножом в избушку. Когда вернулся, мотка на месте не было, а рядом, лежа на траве, Мошка остервенело вспенивала некогда аккуратно сложенную в бухту леску. От удовольствия хвост ее закрутился в немыслимую спираль. Все погибло! Я схватился сначала за голову, потом за палку. В кустах на мгновение мелькнул белый кончик хвоста и исчез в таежном буреломе. «С рыбалкой теперь, пожалуй, покончено», – подумал я и принялся за свою будничную работу. Но пришло свежее утро, а с ним и уверенность, что еще не все потеряно. Партии с образцами еще нет, и делать все равно было нечего. Я взял ком лески и стал распутывать. Незаметно втянулся в кропотливую работу. Даже интерес некоторый почувствовал. Уверенность в успехе крепла с каждым освобожденным метром. Три часа напряженной работы, и двадцать необходимых метров готовы. Чтобы не спутать, аккуратно сложил леску в змеевидном порядке на прибрежной гальке. Откусив конец, с чувством великого облегчения начал привязывать его к катушке. Но вдруг... конец исчез. Прямо из рук. Пошарил вокруг себя – нет. Поднял голову и увидел ровно в двадцати метрах от себя мчащуюся по берегу Мошку. Все стало ясно. Рванул за ней. Пока погоня шла по галечной косе, у меня была еще некоторая надежда поймать, наступить на конец лески. Но коса кончилась, и Мошка свернула в лес. Я долго прочесывал все прибрежные кусты в том месте, где

скрылась собака. Но увы... Леска пропала вместе с собакой. Вскоре Мошка вернулась с сияющей физиономией и со свешенным до земли языком. Конечно, никакая леска в такой пасти надолго удержаться не могла.

Я плюнул на рыбалку. «Не так уж мне это и нужно», – решил я. Еще не известно, водится ли тут рыба, да и шлепать по тайге до «Железного Камня» сначала туда, а потом обратно – невеселое занятие.

«Все к лучшему», – сказал я себе и отправился за грибами.

А вечером начались чудеса. Сначала прямо у входа в избушку я нашел свой второй носок. А потом, сидя у костра и помешивая грибной суп в котелке, вдруг увидел нечто похожее на паутину. Провел пальцем – оказалась леска. Та самая леска. Все двадцать метров так и вытащил из лесу. Только тот, кто хоть раз побывал в дикой тайге, может понять, что значит пройти пять километров по девственному лесу. Нужно быть или настоящим таежником, или человеком, одержимым поистине великой идеей, чтобы преодолеть все препятствия, воздвигаемые тайгой на каждом участке пути. Я принадлежу ко второй категории. В третий раз решил сделать хоть и нелегкий, но невероятно утомительный путь ради сомнительного эксперимента.

Кое-какие уроки я все-таки извлек из своих неудач. Прежде чем отправиться на «Железный Ка-

мень», решил обезопасить себя от главного виновника моих несчастий. Веревкой от резиновой лодки крепко привязал Мошку к березе и решительно окунулся в гущу тайги. Сразу же оказался во власти миллионной армии комаров, напроочь перекрывшей своими глотками оскорбленный визг Мошки.

До места добрался в тот момент, когда солнце уже выползло из-за хребта и разогнало остатки тумана. Скала, действительно, оказалась очень удобной. Забравшись на первую террасу, поросшую мхом, достал червя, насадил на крючок, поплевал для порядка – все по науке. И только приготовился забросить, как увидел знакомый силуэт своей злополучной напарницы. Мошка была уже тут. Свесив ушастую голову с верхнего уступа, она с любопытством наблюдала, что же дальше такое будет. А было вот что.

Только я опустил удочку в темный упругий поток воды, огибающий скалу, как мой поплавок, вырезанный из коры кедра, поплясав секунду, исчез в кромешном водовороте. Я потянул и от неожиданно раздавшегося треска катушки чуть не свалился в воду. Прижав ее левой рукой, стал тянуть дальше. Что-то сильное и неподатливое тащило леску обратно вниз в черную глубину. Это хариус! В голове вихрем закружились все разговоры и советы рыбаков, как нужно быть осторожным при вытаскивании этой своенравной рыбы. Опустив удилище как можно ниже к воде и одновременно

сползая с террасы, стал выводить леску налево, туда, где течение было поменьше.

Конечно, это хариус! Я даже увидел в воде его черную спину и широко расставленные плавники. И не маленький!

Без подсачка довольно трудно будет вытащить. Подвел к берегу. Хариус, видимо, первый раз был на крючке и, ошалеv от неожиданности, перестал сопротивляться. Тут-то я его и выволок. Прямо в прибрежный мох. От радости я никак не мог его долгое время снять с крючка. Именно в этот момент он почему-то решил оказать сопротивление. Наконец, отцепил и опять за спиннинг. Раз клюнул один, значит, дело пойдет. Успевай только закидывать.

Но тут произошло нечто такое, чего я уж никак не мог предположить. Когда вернулся на свое место, застал следующую картину. Мошка карабкалась на последний уступ вершины скалы, таща в зубах консервную банку с червями. Морда ее была похожа на отвратительное свиное рыло с банкой вместо пяточка.

«Мошка!» – заорал я и не узнал своего голоса.

А Мошка посмотрела на меня удивленно, постояла секунду, и ее силуэт провалился за камень. Через некоторое время она вернулась, но, конечно, без банки.

Путь обратно был еще тяжелее и печальнее. Мошка, чувствуя мое настроение, на всякий случай сохраняла безопасную дистанцию.

Проведя тщательный анализ событий минувшего дня и всех предыдущих неудач в рыбалке, к концу пути я был склонен оправдать злополучную собаку.

«Ну зачем ей рыбалка, – рассуждал я. – Если бы у меня было ружье и я ходил бы с ней на охоту в лес – совсем другое дело. А так что? Баловство одно. И, вообще, я радоваться должен: первого в жизни хариуса поймал, да еще такого здорового, – на уху хватит и ладно».

Мысль об ухе меня окончательно успокоила. Добравшись до места, сразу же принялся за костер. Немного картошки, лаврового листа, перца, лучку – славная должна быть ушица. Уж что-что, а это я делать умею. Пока содержимое котелка не вскипело, почистил хариуса. Сразу его класть нельзя – разварится, а только тогда, когда будет готова картошка. Сижу, смотрю на огонь, думаю о разных вещах. Конечно, эксперимент не удался. И, видит бог, не по моей вине. Придется все отложить до следующего удачного момента. И уж будьте спокойны – никаких собак! Эксперимент должен быть чистым. А лодку можно отлично использовать под ванну. Нагреть воды и принять хвойную ванну. Что может быть лучше?

Вода закипела, картошка сварилась, теперь можно и хариуса кидать. Потянулся за ним и... не нашел. Нигде в литературе мне не приходилось читать о том, что собаки едят сырую рыбу. Но это, как говорится, моя беда. Хариуса не было.

Открыл банку тушенки и вытряхнул содержимое в дымящуюся кастрюлю. Ужинал в одиночестве. С Мошкой произошел полный разрыв.

А наутро я обнаружил еще одну пакость: моя резиновая лодка была прокусана в нескольких местах сразу и теперь оказалась непригодной даже для простой ванны.

Первый раз в жизни я усомнился в правильности выражения: собака – друг человека. Могу сказать: может быть, но к Мошке оно не имело никакого отношения. И вот мой совет. Если вы едете на рыбалку – никаких собак!

Впрочем, если быть откровенным и так же правдиво закончить эту историю, то считаю своим долгом сообщить следующее. С Мошкой мы вернулись обратно друзьями. Юмор этой собачонки оказался сильнее моего педантизма. Я привез ее в город, оценив по достоинству юмор, жизнерадостность и доверчивость Мошки к людям. Каждый вечер на балконе нашего девятиэтажного дома мы с удовольствием вспоминаем о глупостях, совершенных тогда на Урале в преддверии наступающей осени.

Батут, батут, батут...

Вроде бы ничего не произошло. Толя, как всегда, встал рано, выпил молока и вышел на берег. Привычным движением завел мотор лодки. На той стороне реки тоже все было как обычно. В гараже собрались шоферы, покурили перед началом работы и разошлись по своим делам. Толя зашел в контору, подписал наряды и не спеша поплелся к машине, у которой вчера еще обнаружилась неисправность в коробке скоростей. Не дойдя шагов двадцать, почувствовал, что ему смертельно не хочется затевать возню с разборкой злополучной коробки. Раньше с ним никогда такого не случилось. Постояв с минуту, повернул обратно.

Павел, приятель и начальник Толи, сидел на телефонной связи с Байским участком леспромхоза.

– Слушай, Паша,– оторвал Толя его от трубки.– Мне нужно скатать на Анчуг.

Поймав удивленный взгляд начальника, пояснил: – Вчера рыбаки сверху спустились, стожар, говорят, мой завалился – поставить надо. Погода видишь какая?

Зачем ему понадобилось это придумывать? Сказал бы – хочу на рыбалку, без звука отпустил бы. А вот что-то помешало сказать правду.

– Людей отправил?

– Да, одна машина осталась. Вернусь – посмотрю, что там с ней.

– Ну, валяй... Алло! Бая!

Мысли стаей спугнутых птиц заметались вокруг идеи предстоящей поездки. Первое – это бензин, два бачка нужно до Анчуга и обратно. Червей накопать побольше, чтоб не жалеть, если клев будет. Взять снасти, плащ, телогрейку и бачок под хариуса. Потом – к матери: предупредить, чтоб к обеду не ждала.

...Мотор завелся не сразу – холодновато стало. Видать, ранняя осень будет.

Некстати подвернулся Васька Паршин. Как всегда, под хмельком.

– Ты куда?

– Сено поправить.

– Подкинь до Приисковой. Баба за грибами послала.

Ничего особенного. В другое время был бы рад попутчику. А сегодня... Совсем не то настроение. Хотелось поскорее оказаться наедине с мыслями, ревом мотора, ветром. Нужно что-то выяснить для себя, а что именно, Толя не представлял. А Васька болтлив – не даст спокойно подумать.

– Садись, – сказал Толя.

Сразу дал полный газ. Лодка врезалась в зеленую плоть тайги. Вася молчал. Видать, жена дома хвост накрутила. Если уж Вася за грибами едет – значит, сильно провинился накануне.

Приглушив мотор, Толя сказал:

– Вась! Тут на прошлой неделе Пашка ведро подсиновиков набрал и четыре белых нашел.

Хмурый Вася не возражал. Тут так тут – не все ли равно.

Облегченный нос лодки задрался еще выше. Вонзился в низко нависшие облака. Лес, перескакивая ступеньки горных площадок, заспешил к реке. Занозой вдруг вонзилось в голову странное слово: батут. Застучало, как неисправный мотор: батут, батут, батут... Нужно будет у начальника экспедиции спросить, что это значит. Он все знает.

«А там, у Валентины, все по-другому, – неожиданно подумалось Толе. – Даже день начинается на два часа позже. И воды вовсе нет. Так, пруд какой-то паршивенький. Ни порыбачить, ни искупаться... Валька зовет в каждом письме. Жизнь, говорит, пора устраивать. А какая там жизнь, если глаз остановить не на чем – степь кругом...»

Вдалеке заискрился пережат, а перед ним темная борозда русла. Здесь должен стоять хариус. Переведя рукоятку на малый ход, Толя встал и впился глазами в темную воду. Что-то ничего не видно: то ли рябь мельтешила перед глазами, то ли солнце еще не набрало силу и не могло пробить двухметровую толщу.

«Попробую», – решил Толя и заглушил мотор. Якорь – здоровенная железяка от гусеницы трактора, – проскользив по дну метра два, зацепился за подводный камень и остановил лодку.

Взяв спиннинг, снял защелку с предохранителя, подергал за крючок. Вдруг «лапоть» клюнет – жалко будет, если оборвется. Выбрал самого шустрого червя. Теперь главное – хорошо насадить. Хариус – рыба привередливая. Толя сколько раз замечал: неаккуратно насадишь – будь тут хоть миллион хариусов, ни один не клюнет. Насаживать червя нужно обязательно с головы – он тогда сам на крючок наползает. И чтобы ни одного миллиметра крючка не было видно. Поплевав на червя больше для порядка, нежели по убеждению, ловко забросил снасть метра на два от левого борта лодки. Белый поплавок из пенопласта запрыгал по серебрящейся ряби воды. Катушка бесшумно закрутилась. Толя не спускал глаз с поплавка. Хариус не пробует приманку, он берет или не берет. Поэтому очень важно не упустить момент поклевки и вовремя подсечь. Метров десять лески смоталось с катушки – никакого намека на хариусов. Еще пять метров, еще столько же – ничего. Поплавок начал теряться в разводах отраженных облаков.

«Хватит, – подумал Толя. – Не хотите – не надо». Быстро стал подматывать леску. Крючок с червем вынырнул из воды у самого винта и закрутился в воздухе. Толя поймал его левой рукой и

увидел, что грузило и насадка скрутились в мохнатый жгут.

«Так дело не пойдет! Нужно карабинчик поставить. Течение быстрое – вот и закрутилась».

Но сейчас на это не хотелось тратить время. Расправил и снова бросил.

Не успел поплавок удалиться метра на три, как мгновенно исчез под водой. Легкий рывок – сидит, голубчик! Это Толя мог сказать с полной уверенностью. Не очень большой – граммов на триста. Пацан, можно сказать. Но сопротивляется, дьявол!

Через секунду хариус барабанил о дно лодки, растопырив все свои плавники.

Толя внимательно осмотрел крючок. Червяк почти целый, только сполз немного. Можно было бы поправить и еще раз забросить, но это не в его правилах. Сменив червяка, снова забросил. В том же месте поплавок опять исчез под водой. Еще один хариус запрыгал на дне лодки. И тут все кончилось. Как отрезало: сколько ни кидал – ничего. Толя знал, что если за три-четыре заброса не клюнет – поднимай якорь. Подсосав грушей бензин, рванул стартер и включил скорость. Лодка медленно подалась вперед.

Батут, батут, батут... – снова застучал мотор. Опять это дурацкое слово. Откуда оно взялось? И чего привязалось?

Вспомнилось, как прошлым летом он поссорился с женой в последний раз. Ему хотелось показать

Валентине Большие пороги, угостить настоящей харюзовой ухой, с дымком, с запахами тайги. Думал, поймет тогда жена, надеялся – полюбит она эти места, прикипит к ним душой, как и он. А Валька просто отказалась с ним ехать – в клубе новое кино крутили. Вот тогда и рассорились вдрызг...

Солнце, наконец, выпуталось из низко нависшего тумана, засуетилось по чистому небу, стало пригревать осенним теплом. Кедровки поднялись. Небольшими стаями, обгоняя лодку, летят в одном направлении. «Где-то на севере урожай шишки», – подумал Толя. Опять вдруг тревога захлестнула. Беспричинная, непонятная и оттого еще более тягостная.

Толя не заметил, как налетел на очередной пережат. Винт раздраженно резанул по камню, лодка вздрогнула, но скорости не сбавила. Шпонка цела осталась. Сбросив обороты, навалил на себя мотор; винт захлюпал по поверхности воды. Это самый дрянной пережат. Даже в большую воду на нем рвут шпонки. Борозда сначала идет у самого берега, а потом обрывается и сразу переходит в отмель. Нужно осторожно наискось пересечь реку, чтобы добраться до борозды у противоположного берега

Анчуг всегда притягивал Толю своей загадочностью. Дно темное, жуткое – не просмотришь, а поверхность воды гладкая, блестит, как черное стекло, течение еле заметно. Хариус здесь стоит

во всякое время дня и ночи, но по каким-то неизвестным людям законам ведет себя весьма странно. Десять рыбаков могут по часу и больше проторчать здесь, ничего не поймав, а одиннадцатый безо всяких «секретов» за несколько минут ведро добудет. И не какую-нибудь мелочь, а настоящих «лаптей» – по два с лишним килограмма. Как повезет, одним словом.

Толя решил бросить якорь под самой скалой. Она лиловой глыбой нависала над рекой и под небольшим углом уходила вглубь, растворяясь в темно-фиолетовой жути собственной тени. Стянув с катушки часть лески, Толя передвинул поплавок, так же тщательно надел нового крупного червя, подергал за поводок и опустил в воду прямо у кормы. Течения едва хватало на то, чтобы стаскивать леску с катушки. Поплавок не спеша стал удаляться: метр, другой, третий он лениво плыл вниз. И вдруг – нет его! Исчез. Первая мысль: за дно зацепил. Но рука сработала сама – резкая подсечка, удилище изогнула неизвестная сила, скрытая под непроницаемой толщей воды. Это хариус! Не ослабляя леску, Толя перекинул спиннинг в левую руку, а правой придвинул поближе подсачек. Не торопясь, стал подматывать леску. Ну и сила! Можно подумать, пудовый камень со дна тянешь!

Леска неожиданно ослабла. Неужели ушел? Гладь воды взорвалась в метре от лодки, и здоровенный хариус сделал «свечку». Выскочил из воды на

полметра и – под лодку. Леска опять натянулась до предела. Вот-вот лопнет. Теперь надо дать слабинку. Пусть погуляет немного. Толя попробовал на вытянутых руках перевести удилище на левый борт лодки. Хариус как будто пошел навстречу, сам под лодкой перешел на левую сторону. Ну что ж, здесь будет сподручнее справиться.

Стал медленно, с усилием наматывать леску. Вот уже видны растопыренные плавники на черной спине. Плавное движение вверх – и хариус четко спланировал в сетку подсачка, а через секунду оказался в лодке. Темный, с еле заметными крапинками по бокам, с лиловыми плавниками, протестующий, но бессильный.

Сменив червя, Толя вновь опустил его рядом с лодкой. И опять в трех метрах от мотора исчез поплавок. На этот раз рыба оказалась чуть поменьше, но тоже хороша. Еще и еще раз повторилась ситуация. Давно такого клева не было! На редкость удачная рыбалка!

Незаметно стало темнеть. Толя в горячке даже не сразу обратил на это внимание, но в какой-то момент вдруг поплавок перестал быть виден. Подсек несколько раз, думая, что рыба клюнула, оказалось – напрасно. Поверхность воды перестала отражать небо. Не сразу дошло, что вроде по времени еще рано темнеть. Неуютно стало. Как перед грозой. Откуда-то сверху донесся собачий вой. Это уж совсем странно. Собаки только зимой по ночам воют. Сейчас-то с чего?

Очередной хариус отвлек внимание. Этот был весьма буйного нрава. Никак не хотел уступить ни одного метра лески. Дергался как ошалелый. С большим трудом удалось подвести его к корме, но тут он рванул и... ушел. Вместе с крючком и грузилом. Толя даже не очень огорчился. Он чувствовал: что-то должно произойти. Все это время непонятная тревога не отпускала его.

Толя полез в карман за коробкой с запасными крючками. Под руку попались сигареты. Вот что он давно хотел – закурить! Но почему так темно? Затянулся. Взгляд скользнул по скале к тому краю Анчуга, где он темным силуэтом отмежевывался от неба. А на небе, прямо над скалой – черное круглое пятно там, где совсем недавно сияло солнце. Сумрачное небо без единого облака и черное круглое пятно. Толя в испуге огляделся по сторонам. Все: скалы, горы, деревья, сторож на дальнем берегу – все оказалось без теней. Протянул руку над водой – никакой тени. Над рекой повисли духота и сумрак.

С трудом сознание добралось до истинной причины происходящего. Не часто в жизни человека такое бывает. Затмение солнца было полным. Теперь многое для Толи стало понятным: и полуденный сумрак, и вой собаки, и неистовый клев хариуса. Даже свое странное состояние он связал с этим необычным явлением. Как замороженный смотрел Толя на черный круг с ослепительно белым ореолом. Затмение перешло в свою убывающую ста-

дию, черная тень нехотя стала сползать, возвращая жизнь небу, солнцу, лесу. Постепенно стало светлеть. Анчуг начал насыщаться красками.

Не докурив сигарету, Толя занялся поводком. Когда снасть была готова и заброшена в воду, кромка солнечного диска была еще надрезана. Поплавок проплыл нетронутым мимо места, где клюнул последний хариус. Катушка не спеша раскручивалась. Пять, десять, двадцать метров – ничего. Толя еще раз смотал песку и еще раз пустил ее по течению. Опять ничего. Сменил червя – никакого эффекта. Бросил в воду пару горстей червей, чтобы привлечь рыбу, но ни один хариус не притронулся. Как вымер.

Толя поднял якорь, завел мотор. Снова вынырнуло, забарабанило навязчиво: батут, батут, батут... «Никуда я отсюда не уеду, – решил вдруг Толя. – Даже если не захочет вернуться... А Павлу расскажу все как есть, ездил, мол, на рыбалку, а стожар тут ни при чем...»

Солнце освободилось от последней вмятины, золотом одарило проплывший мимо стожар. На горизонте появилась стая кедровок. Теперь они летели навстречу.

Сон в охотничьей избушке

Площадь была без окружения. Просто все знали, что это площадь, и никто не удивлялся. Здание – только с одной стороны. Похожее скорее на мавзолей, чем на обычный дом, но из бетона и стекла. При входе часовые, стоят восковыми истуканами. Народ проходит поодаль. Я как-то не сразу обнаружил, что зашел слишком далеко. Но меня ведь никто не остановил. А теперь – тревожное чувство неловкости. Как будто застали тебя за каким-то неприличным занятием. В руке оказался кусок уголкового железа с продолговатыми дырочками, покрашенный в краску защитного цвета. Точь-в-точь как у автомата. Замер навтыжку рядом с караулом. Железюку держу на руке, как винтовку. Мне показалось, что теперь меня никто не осудит. Солдат как солдат. Все будут думать, что я на карауле.

А в дверь вдруг потянулся народ. Очередь образовалась. За дверью экзальтированная пожилая дама раздавала желтые билетки. Билетов, по-видимому, у нее было не так много. Иначе зачем бы

такой ажиотаж устраивать? Дама по выбору раздавала, а рук к ней тянулось много-много. Целый лес рук с пальцами на концах. Я-то знал, что их ожидает, а они нет.

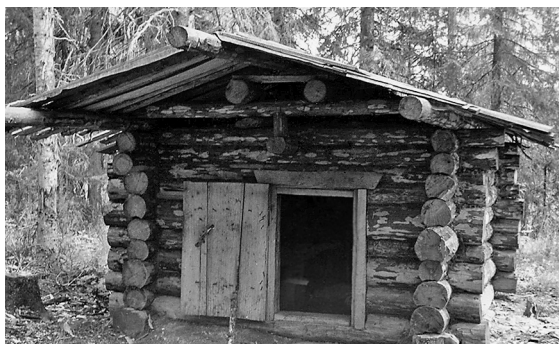
Не заметил, как исчезли караульные. Мне-то уж и вовсе не обязательно здесь торчать. Зашел в вестибюль, закурил сигарету. Смотрю на входящих – нет ли кого знакомых. А то неловко будет, если меня с сигаретой застанут. Я же ведь не курю, а тут вдруг с сигаретой. Народ постепенно рассосался. Ко мне подошла экзальтированная дама.

– А вы что же?

– Видите ли, у меня билета нет, – сказал я, хотя причина была совсем другая. Именно сегодня мне почему-то понадобилось надеть яркую рубашку, в крупных желтых четких квадратах. И она была не очень чистая.

– Ну что вы, что вы, вам можно пройти и безо всяких билетов. Это же ваше мероприятие.

Я подчинился. Обсуждение уже шло полным ходом. Какой-то не известный мне художник или

искусствовед говорил о преимуществе нашего памятника академику Киренскому перед другими, представленными здесь. Впрочем, по манере говорить и по необычности терминологии это скорее был физик. За спиной говорящего на здоровенной тумбе, затянутой холстом, стоял отвратительный скульптурный портрет покойного. По каким-то деталям мне сначала показалось, что это работа Никогосяна, но потом, сравнив с другими, стоящими рядом, увидел, что понять, где чей, почти невозможно. Я только отметил, что ни один из представленных портретов не похож на Киренского.

Мы-то с Лемпортом видали его живым и даже были знакомы. Оратор закончил. Поднялась экзальтированная дама и сказала:

– А сейчас с заключительным словом выступит сам покойный академик Киренский.

«Нужно послушать», – подумал я. По-видимому, его слово будет решающим. Киренский был пониже ростом, чем предыдущий оратор, поэтому встал на приступку, ведущую на сцену, где сидел президиум. Прямо на уровне головы того отвратительного портрета. Каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что он как две капли воды похож на стоящий за его спиной портрет и на все другие, а на наш совершенно не похож. Как же так получилось? Или он за это время так изменился? Да нет! По строю лица это был совершенно другой человек. Неужели Вовка мог так оши-

биться? Тем не менее Киренский начал говорить. Мягко, деликатно, стараясь никого не обидеть. Дословно речь запомнить я на сумел, а смысл сводился к следующему: мол, ценность портрета заключается не в сходстве портретируемого, а в том, как он сделан. В его художественных качествах. Поэтому он ничуть не в обиде на работу Лемпорта и Силиса и считает, что нужно принять именно наш вариант. Потом стало невероятно холодно. Окно избушки светилось желтым квадратом пойманной луны. Печь погасла. Я понял, что сон кончился, поднялся с пола и перелег на нары.

Уральская Одиссея

(путевые заметки)

Всякое путешествие начинается со сборов. Сначала это может показаться даже довольно увлекательным занятием, но по мере увеличения груды вещей, которую надо запрятать в рюкзак, энтузиазм пропадает. А когда приходишь к окончательному убеждению, что ни один существующий поныне вещевой мешок не сможет вместить столько вещей, наступает отчаяние. Но самое ужасное во всей этой операции то, что, как

бы ты ни продумал все, во время путешествия с неумолимой закономерностью оказывается, что бóльшая половина вещей тебе совершенно не нужна. А то, что необходимо, оставлено дома или вообще не предвидено.

Я не люблю ездить втроем и никому не советую этого делать. Представьте себе, что возникла конфликтная ситуация. Ну, например, встал вопрос: брать с собой носовые платки или не брать. Если вас трое, то двое обязательно должны принять однозначное решение: скажем, брать. И тогда, будьте вы хоть самим Цицероном (если вы имели несчастье оказаться тем третьим), вам ни за что не удастся переубедить своих товарищей в обратном. Вы будете вынуждены подчиниться.

Другое дело, когда вас двое. Во-первых, вы подбираете себе податливого компаньона. Во-вторых, когда вы своей осведомленностью в такого рода делах доказываете ему свое превосходство и любезно берете командование на себя, вашему товарищу ничего не остается, как подчиниться. Если же он однажды и выйдет из подчинения, то все равно нет арбитра, который мог бы вас рассудить. Вы всегда можете заявить при этом: «Вот видишь, я же тебе говорил, что прежде чем ехать со мной, нужно было все хорошо взвесить».

В поездку на Вишеру я пригласил своего коллегу-художника Володю. Мне показалось, что он обладает именно теми качествами компаньона, которые необходимы при таком варианте.

Он не рыболов и не охотник, хотя любил иногда рассказать несколько маловероятных историй о своей охоте. В этом смысле он никоим образом не грозил быть конкурентом. У Володи было твердое убеждение, что художник во время путешествия должен все увиденное запечатлевать с натуры на бумаге. Таким образом, он всегда мог быть при деле и не мешать мне просто наслаждаться природой. И потом Володя обладал удивительным свойством: большую часть своего бодрствования он пребывал в том сомнамбулическом состоянии, когда с ним можно было делать все что угодно. Тем не менее конфликтная ситуация возникла сразу же, как только мы стали укладывать свои рюкзаки. Дело в том, что мой приятель недавно решил отпустить бороду, и она у него была как раз в том состоянии, когда про нее нельзя сказать еще ничего определенного. Поэтому он, вероятно, и счел необходимым взять с собой большое двустороннее круглое зеркало. Все мои доводы наткнулись на невиданное упорство. Лимит моего добродушия был израсходован раньше. Смирился я и с простыней, и с босоножками, которые, по его мнению, в тайге были совершенно необходимы. Какой бы нелепой мне ни казалась идея брать с собой гитару, но о ней я просто говорить не решился. Вовка не пижон и не принадлежал к той категории гитаристов, которые к гитаре относятся скорее как к украшению. Он давно уже занимался с одним из лучших гитаристов и ком-

позиторов. Я хоть и подумал, что, наверное, не очень удобно с гитарой по тайге бродить, но ведь, с другой стороны, пьесы Баха в переложении для гитары тоже требуют ежедневной тренировки, и тут уж никуда не денешься. Зеркало же, да еще двустороннее, в тайге показалось мне абсолютным пижонством.

Я не принадлежу к тем туристам, которые ради дешевой романтики бросаются в любое сомнительное путешествие. Прежде чем отважиться на такой вояж, я подробнейшим образом осведомился у живущего на Урале брата обо всех деталях нашей поездки. Из писем его я уяснил, что поселок с красивым названием Вёлс находится на реке Вишере, где в нее впадает небольшой приток под тем же названием: Вёлс.

Чтобы попасть туда, сначала необходимо сесть на самолет и долететь до Перми. Затем поездом доехать до города Соликамска, а оттуда рукой подать до Красновишерска, где нас будет ожидать брат Вадим.

Первой неожиданностью для нас было огромное картофельное поле, неизвестно зачем оказавшееся между железнодорожным вокзалом и самим городом Соликамском, куда нам предстояло добраться.

Пока мы, обремененные тяжелыми рюкзаками, галантно предлагали свои услуги нашей попутчице по купе с большим чемоданом, рейсовый автобус ушел. Исчезла неизвестно куда и девушка

с чемоданом. Остались только мы – с рюкзаками, удочками, ружьем и гитарой. Впрочем, на бескрайнем картофельном поле нами был обнаружен крытый грузовик, который несмотря на то что оказался битком наполнен людьми, почему-то не двигался. По-видимому, поджидали нас – решили мы. Володя, проснувшийся вдруг от перспективы навсегда застрять на этом картофельном поле, бросился к машине. В мгновение ока он оказался со всем своим скарбом внутри фургона. Но в следующую же секунду из машины вылетела его гитара, затем рюкзак и вслед за ним сам Вовка. Выплюнули, можно сказать, моего товарища. Машина рванула, и мы даже не успели высказать наше возмущение по поводу вопиющей несправедливости.

Естественно, что это невысказанное по адресу возмущение мы обратили друг на друга. Сначала мой приятель заявил, что мы самые последние идиоты. Я было согласился, но в дальнейших рассуждениях он, как мне показалось, не очень справедливо разделил это определение между нами. Я же в свою очередь обвинил его в чрезмерной галантности к девушке, из-за которой мы упустили автобус, и в излишней горячности при попытке овладеть машиной.

Пошел дождь, и это обстоятельство еще больше омрачило наше настроение. Володя забегал по картофельному полю, надеясь остановить хоть какую-нибудь проходящую машину. Вид у него

был но меньшей мере комичный. Бегаёт эдакий бородатый человечек по картошке, выбрасывая коленки в стороны. А бегать ему очень трудно, потому что сверху он придавлен двухпудовым рюкзаком, в одной руке у него гитара болтается, а в другой он чехол с ружьем держит. Эдакий Тартарен из Тараскона. Короткие брюки, ватник с чересчур длинными рукавами и дырявый берет на голове. Ну не смешно ли?

Что касается меня, то выглядел я, может быть, и не менее смешным, но достоинство, с которым я держался в этой отчаянной обстановке, исключало такую вероятность.

Тем не менее мы преодолели это злополучное картофельное поле: такси вдруг поймали. Соликамск оказался городом. А там опять проблема: до Красновишерска – двести километров, а средств доставки никаких. Придется ждать и надеяться на удачу. К счастью, у нас есть с собой ружье, с голоду не умрем.

Когда я высказал эти соображения моему коллеге, он тоже успокоился и принялся за проигрывание гитарных пьес. А я взялся за удочку, Какой же рыбак при наличии водоема не закинет удочку? Река, надо сказать, для меня совершенно незнакомая. Мелкая, прозрачная, холодная, дно сплошь галькой засыпано, и все на виду. Тем не менее: «Ловись рыбка, большая и маленькая!»

Насчет большой рыбки иллюзии рассеялись сразу. Ее просто не было в пределах видимости. А

вот маленькой – сколько угодно. Просто кишела около ног и пальцы щекотала. О ее анкетных данных я не имел ни малейшего представления. Даже не видел никогда такой рыбешки. Сначала думал, что это малек какой-то крупной рыбы, а потом пригляделся и обнаружил совершенно взрослые особи, только чуть больше указательного пальца. И все-таки это тоже рыба. Если побольше наловить, то можно неплохую уху сделать. Но клевать она не спешила: ее скорее интересовали мои ноги. Пришлось с сожалением констатировать: надежда на уху была преждевременной. Поэтому, услышав, как от противоположного берега отразился и замолк последний аккорд бурре Иоганна Себастьяна Баха, я решительно направился к рюкзаку и достал банку тушенки. А когда была опорожнена эта банка, представился блестящий случай поразить моего напарника своей изобретательностью. В полувскрытой крышке банки я проделал отверстие, крышку вернул в первоначальное положение, а банку бросил в реку, недалеко от берега. Рыбешки обнюхали ее и, будучи не в силах преодолеть свое любопытство, одна за другой стали забираться через дырку внутрь. Представляю, какой визг они там подняли, когда через пять минут я их вытащил на берег в этой банке. Она была почти полна этой безымянной рыбкой. Костер развели мгновенно. Должен без ложной скромности заметить, что по части приготовления ухи вряд ли можно найти лучшего специалиста,

чем я. Уха – мое хобби. Куда бы я ни поехал, всегда беру с собой набор специй для варки ухи. И уж на этот раз, будьте уверены, я постарался сделать все самым наилучшим образом. На чистку рыбы, конечно, был брошен Володя. Он не сопротивлялся. Обилие пойманной рыбы, пусть даже мелкой, заставило его проникнуться ко мне заслуженным уважением.

Котелок, ложки, вилки и чашки – все предусмотрено на травке неподалеку от костра. Через каких-нибудь полчаса я предложил Володе первому отведать этой, я бы сказал, несколько необычной ухи. Нужно мимоходом заметить: Володя, кроме того что прекрасно исполняет фуги Баха на гитаре, обладает еще одним редким качеством: какой бы горячей пища ни была перед ним, он может ее безо всякой предосторожности тут же отправлять в рот. Наверное, поэтому ему всегда наливают первому. И, конечно, он всегда съедает все первым. Вот и сейчас, опустив деревянную ложку в бурлящий котелок, он зачерпнул кипящую жидкость и такую же бурлящую отправил в рот.

– Ну как? – нетерпеливо спросил я.

– Хороша, – ответил он, но почему-то без энтузиазма.

Хлебнул еще раз и после этого застенчиво спросил:

– А колбаса там у нас еще осталась?

Я неплохо знаком с деликатностью своего коллеги, и этот вопрос заставил меня насторожиться. Подув на ложку, я тоже попробовал уху. И... сказал:

– Да, осталась. Возьми в правом кармане мешка. Уха получилась горькая. А причиной этого оказалась сама рыбешка. Это нам сказал потом сторож, охраняющий цистерну с бензином, у которого мы попросили разрешения переночевать в его сторожке. Имя ее – вандыш. Никаких других сведений о ней он не сообщил.

– Вандыш – и все тут. У нас ими тут собак да свиной зимой кормят.

А утром от того же дедка мы узнали, что добраться до Вёлса можно только на попутной лодке с подвесным мотором. Вода спала, и ни один катер, даже самый маленький, не рискнет сейчас подняться по Вишере дальше этого места. Единственный выход – голосовать. Именно этим мы и занялись утром следующего дня, как только услышали первый отдаленный звук приближающегося мотора.

Когда лодка поравнялась с нами, мы отчаянно замахали руками, призывая пристать обладателя лодки к берегу. Но наша пантомима не произвела впечатления. Может быть, он принял ее за приветствие.

У Вовки появилась идея. У него всегда появляются идеи в острых ситуациях.

– Давай, – сказал он, – выложим надпись на берегу из камней! Большими буквами. Обязательно заметят.

Я, будучи человеком рассудительным, не очень поверил в эту идею. Но делать все равно было не-

чего. Согласился. К приближению следующей лодки транспарант был готов. «Остановись!» – гласил он. Но лодка проехала, даже не замедлив хода.

И только в полдень другого дня нам удалось заманить одного судовладельца. И то, наверное, лишь потому, что в руках у Вовки в это время оказалась бутылка со спиртом.

– Коля, Володя, – представились мы.

– Гришка Язев, – ответил тот.

Ну что же, это лучше, чем вандыши. Поехали!

В лодке с подвесным мотором много не поговоришь. Сидим и глазеем по сторонам. Урал все-таки! Стометровые скалы нависли над рекой, рискуя однажды рухнуть целиком в воду. Иногда прямо из густой щетины леса поднимались каменные столбы, представляясь то сидящими бабами, то головой воина в шлеме, то гигантскими застывшими ящерами.

Гришка Язев сказал, что к ночи доберемся, и мы были спокойны. Лемпорт даже достал альбом и начал зарисовывать проплывавшие мимо красоты. А я предался созерцанию и размышлению о первопричине происхождения мира, раскрывшегося передо мною.

Но мотор вдруг зачихал, захлопал и заглох. Наступила пронзительная тишина. Гришка для начала выругался, потом не спеша вытащил шест и направил лодку к берегу.

– Шестеренка! Черт бы ее побрал!

Удивительное дело: когда где-нибудь что-нибудь ломается, то это обязательно оказывается шестеренка. Гришка снял мотор, положил на траву и начал разбирать его, не переставая ругаться. Брань его носила абстрактный характер. Вроде как бы человек песню напевает, когда увлечен чем-то. Мотор был его, и ездил на нем он сам, поэтому себя ругать было как-то несподручно. Шестеренка тоже не виновата – сама пострадала, а мы не так уж близко знакомы, чтобы быть объектами для ругани. Вот Гришка и ругался просто так, в пространство. Вскоре выяснилось, что «какая-то разиня» украла у него отвертку, а без нее здесь и делать нечего. Не окажись у нас ножа с отверткой, не видать бы Гришке этой злополучной шестеренки.

Впрочем, радости от этого тоже было немного. Действительно, шестеренка полетела, а запасной, конечно, не было. Гришка с досадой стал собирать мотор. К удивлению своему (и к нашему тоже) он обнаружил: половина только что отвинченных деталей бесследно исчезла в траве, а те, которые он нашел, оказались лишними. Мы с Вовкой исползали на четвереньках всю лужайку в радиусе десяти метров в поисках потерявшихся деталей. Когда все-таки мотор был собран, Вовка с помощью карманного фонаря (стало уже темнеть) нашел еще одну загадочную деталь: не то карбюратор, не то клапан какой-то. Это об-

стоятельство совсем вывело из себя нашего моториста. Свалив все железяки на дно лодки, он монументально уселся на торчащий из земли камень, знаменуя тем самым, что наступила новая эра в нашем путешествии. Мы приготовились к самому худшему. Минут через десять Гришка изрек безо всякого выражения:

– Сегодня пятница, а лодки пойдут снизу только в понедельник.

Остальное он предоставил домысливать нам самим.

Ночь спустилась в виде коктейля из тьмы, тумана и тишины. Развели костер, распотрошили рюкзаки.

Гришка как только оказался без дела, перестал ругаться и замолк, как та рыба, фамилию которой он унаследовал от отца. Я решил поближе познакомиться с нашим мотористом, чтобы исподволь узнать о нашем ближайшем будущем.

– А язи тут водятся? – спросил я для начала.

– Нету, – ответил Гришка лаконично.

– А щуки?

– Тоже нету.

– Ну, а окунь попадается?

– Нету и окуня.

Я понял, что в такой форме опрос о составе фауны может продлиться до утра, поэтому изменил тактику.

– А какая же здесь рыба водится?

– Таймень и хариус.

– А вандыш?

– Так это разве рыба?

Я хотел было еще задать несколько профессиональных вопросов, дабы мой собеседник понял, что перед ним не какой-нибудь городской любитель, а настоящий рыбак, и после этого перейти к делу. Но тут вмешался Лемпорт:

– А медведи тут водятся? – неожиданно спросил он, как будто всякий другой зверь поменьше его уже не устраивал.

– Весной Петька Поршаков свалил медведицу, а больше не слышал.

– С медвежатами была?

– Да. Он их в поселок принес. И сейчас еще бегают, с детишками балуются.

– А еще какая живность водится?

– Да лось, вот и олень дикий иногда забегает. А еще кто? Пушной разве только, так это зимой.

– Нет, а боровая? – не унимался Лемпорт. С нее бы и начинал. А то – медведь!

– А всякая бывает. Да мало нынче. Ягода в прошлом году плохая была.

Я понял, что рыбе уже не место в этом серьезном разговоре, и начал укладываться на ночлег.

Утро оказалось на редкость туманным.

Сначала подумал, что Гришка с Вовкой разговаривают, продолжая вечернюю беседу об охоте, но по храпу, доносящемуся из-под ели, понял, что

ошибся. Гришка Язев разговаривал с туманом, и, что самое удивительное, туман ему отвечал. Такого чуда я никогда не видел.

– Это кто же там? – удивленно спросил я.

– Да рыбак с приисковой мышкует.

– Как так – мышкует?

– Э, паря, так ты что, не видел, что ли? На мышá ловит тайменя.

Я представил себе рыбака в лодке, а в корме у него мышеловка, полная несчастных мышей, обреченных на съедение хищным тайменем. Мне стало их жалко, и я спросил:

– А как их насаживают, живых или мертвых?

– Экий ты непонятливый. Так их же сами делают из беличьего хвоста и пускают по воде на леске.

Вскоре в тумане, как на фотобумаге, стал проявляться силуэт лодки и рыбака, сидящего в ней. За спиной у него по бортам торчали две палки, наподобие антенн. На них-то и крепились жилки, заканчивающиеся, по-видимому, теми самыми загадочными мышами, которых так обожает таймень. Рыбак бесшумно греб одним веслом, лодка медленно и прямолинейно скользила по невидимой глазу реке. Вскоре он опять растворился в тумане. Остались один голос и еле слышный всплеск весла. От него Гришка успел узнать, что снизу сегодня должен подняться Пашка Безрукий, и если мы его проследим, то сможем сегодня же добраться до Вёлса. При упоминании Вёлса Лемпорт перестал храпеть. А когда ему сообщили содержание разгово-

ра с рыбаком, окрестности, закутанные в густой туман, огласились самой торжественной фугой, сочиненной Иоганном Себастьяном Бахом специально для этого случая.

Рыбак не соврал. В полдень снизу послышался треск мотора. Мы приготовились встретить Пашку. Вовка предложил вывесить белые флаги и даже достал простыни дня этой цели.

Но Гришка Язев был спокоен:

– Сам подъедет, – сказал он.

И действительно, Пашка подъехал сам.

– Ну что у вас тут? Шестеренка?

Как будто он за час перед этим по телефону разговаривал с Гришкой.

– Да, полетела. Запасной нет у тебя?

Нет, в Бае достанешь, а сейчас поехали – мне до вечера надо добраться.

О нас он тоже как будто все знал. Не задал ни одного вопроса.

Руки у Пашки действительно не было, но он и одной так ловко обращался с лодкой и мотором, что у меня появилось сомнение в целесообразности существования второй руки. Ну хотя бы, скажем, у Гришки Язева.

До Баи доехали без приключений. На особо мелких перекатах Пашка заставлял меня иногда переползать в самый нос. Это чтобы корма повыше была и за камни винт не зацепил. За кормой на длинной чалке болталась Гришкина лодка.

В Бае Гришка остался искать шестеренку, а мы втроем отправились дальше. Параллельно с нами выехала еще одна лодка с лесничими.

Светило солнце, дул встречный ветерок, и было очень хорошо. Все сомнения в отношении принятой нами поездки исчезли, как тот туман, с которым беседовал Гришка Язев. Пашка оказался более общительным. Невзирая на треск мотора он все время пытался нам что-то сообщить, показывая култей на особо вычурные скалы. Он был лирик. Особенно взволновался, когда увидел, что Вовка взялся за альбом. Пашку только раздражала плывшая рядом лодка с лесничими. И так ничего не слышно из-за своего мотора, а тут еще треск чужого мешает разговаривать. Прибавил газу, пошел на обгон. А на той лодке восприняли это как сигнал к началу состязаний. Нашего безрукого капитана это очень рассердило. Он пустил мотор на полный газ и пошел наперерез. Приближался очередной пережат, и нужно было занять основную борозду. Другая лодка разгадала маневр Пашки и тоже ринулась к борозде. Мы оказались почти рядом, борт к борту. Мотор выбивался из своих последних лошадиных сил. И все-таки лесники нас обжали. Видимо, рюкзаки у нас были тяжелые, да и сами мы находились далеко не в равных весовых категориях.

Увлеченные бешеным гандикапом, наши мотористы не сразу заметили лодку, идущую сверху. А может быть и заметили, но не придали значе-

ния: река широкая, вода глубокая – обойдет. Но лодка и не думала обходить. Перла прямо на нас. На самых полных оборотах. Когда наши соперники по гонкам заподозрили опасность, было уже поздно. Едва они свернули в сторону, как раздался страшный треск столкнувшихся лодок. Носа лесничьей лодки как не бывало. Она отскочила в сторону метра на два. Как ножом отрезало. Встречная лодка, слегка изменив направление, мчалась теперь прямо на нас. Нос ее был задран высоко кверху. Мы были обречены. Ни изменить направление, ни убавить скорость Пашка уже не мог. Оставалось гадать: в чью голову она ударит. И тут произошло чудо. Вовка с быстротой пантеры вскочил и бросился навстречу налетевшей лодке. В какую-то долю секунды поймал нависший над нами нос и навалился на него всей своей тяжестью, сдерживая дальнейшее продвижение. Это было великолепно!

Когда все три мотора одновременно заглохли и наступила тишина, можно было, наконец, сообразить, что же произошло.

Лодка, которая так незаслуженно лишилась носа, можно сказать, почти скрылась под водой. Двое лесничих по пояс в воде, едва успели спасти мотор, а третий не нашел ничего лучшего, как искать спасение в нашей лодке. Для этого он ошалело пересек два метра по воде, разделявшие нас, вскочил в нашу лодку и уселся на мой рюкзак, смачивая его водою намокшей одежды.

Глаза его были вытаращены и выражали безумный испуг. При скачке в лодку он так накренил борт, что наше судно наполовину оказалось заполнено водой. А по закону Архимеда известно, что тело (лодка с нашими телами в данном случае) плавает до тех пор, пока масса объема вытесненной нами воды меньше массы наших тел и лодки, вместе взятых. И вот после прыжка парня эта масса оказалась критической. Мы все почувствовали вдруг, что идем ко дну. Первым пришел в себя, конечно, Вовка. Выскочил самоотверженно в воду и схватил, что бы вы думали? Гитару! Ни ружье, ни рюкзак с добром, а гитару. Вторым выскочил Пашка, а затем уж и я. Капитан всегда покидает тонущий корабль последним. Парень не в счет. Он настолько обезумел, что никак не мог понять, зачем его гонят из лодки опять в воду.

Через некоторое время вся флотилия кое-как добралась до берега. Тишине наступил конец. Начались выяснения отношений. Над рекой поднялся такой мат, что камни, нависшие над водой, только чудом удержались на месте и не рухнули в воду. В конце концов победила пострадавшая сторона. Парень, по вине которого произошла катастрофа, вынужден был отдать свою лодку взамен искалеченной. Было немножко грустно и неловко, когда лодка с оторванным носом, неуклюже задранной сверху передней частью, отчалила от берега и скрылась за поворотом.

Брата в поселке мы не застали. Он, по-видимому, не дождавшись нас в Красновишерске, подался во Всеволодск на ту сторону Урала. Там у него была основная госпромхозовская контора. Вадим еще в письме предлагал совершить заманчивое путешествие из Европы в Азию. Хотя мы с коллегой были не так уж молоды, но наивности в нас хватило бы на целый десяток школьников-первоклассников.

Мы тут же решили «сходить» за Урал. Тем более Пашка-безрукий нам рассказывал, что по Вёлсу проходит с востока туристическая тропа и они каждое лето пачками спускаются на плотях к поселку. Наши представления о тайге, горных реках и уральских хребтах были весьма туманные, но мы абсолютно верили каждому слову, сказанному нам первым встречным.

В поселке были две достопримечательности, с которыми мы познакомились на следующий день. Это, во-первых, естественная пещера в скале, которую местные жители использовали в качестве холодильника для хранения рыбы и других продуктов, а во-вторых, два медвежонка, о которых нам говорил Гришка Язев. Они действительно оказались совершенно ручными, и, когда мы утром пошли купаться, медвежата, как две собачонки, увязались за нами. В реке Вёлс долго не

покупаешься. Вода как лед холодная. Даже терпеливый к холоду Вовка и тот не выдержал более трех минут. Когда же выскочили на берег, брюк своих мы не обнаружили. Эти мошенники утащили их в кусты и там пытались превратить наши прекрасные джинсы в обычное утильсырье.

Пашка сбагрил нас Проньке, рябому мужику неопределенного возраста. Он ехал промышлять хариуса на Винокуров Камень и согласился взять нас в попутчики. Пронька подтвердил, что через Урал оттуда пройти ничего не стоит.

Посмотрев на мое разъемное трехколенное удилице, Пронька недоверчиво покачал головой и сказал:

– Ну-ну...

Больше он ничего не прибавил, и я не очень понял смысл этого замечания. Сам же он погрузил в лодку два длиннющих, метров в семь, удилица, весом не менее 10 килограммов каждое. Увидев их, я тоже сказал:

– Ну-ну...

Просто мне хотелось показать Проньке, что я тоже кое-что смыслю в рыбалке. А Вовка ничего не сказал по этому поводу. Он только спросил:

– А есть ли там медведи?

Сдались ему эти медведи!

Вёлс уже нельзя назвать рекой. Это скорее речушка, и продвигаться по ней вверх по малой воде да

еще с нагруженной лодкой очень трудно. Часто нам с Вовкой приходилось впрягаться, подобно бурлакам, и перетаскивать ее волоком через перекаты. Раз десять срывали шпонку о подводные камни. Но все это нас не удручало. Пронька уверенно обещал нам счастливую рыбалку и не менее удачную охоту. Подтверждением того служил пустой бочонок под рыбу и ружье с полным патронташем, взятые им с собой. А раз уж Пронька обещал, значит, так и будет.

Полсотни километров прошли, нигде подолгу не задерживаясь. Остановились у Винокурова Камня.

– Вот здесь! – сказал Проня, и мы стали выгружаться.

Скала, неизвестно почему названная Винокуровым Камнем, когда-то, по-видимому, развалилась и забросала русло громадными камнями. Речушка образовала водопад, а под самой скалой вырыла глубокую яму.

– Вот здесь хариус стоит, – уверенно сообщил нам Пронька.

Я представил себе, как эта благоразумная рыба стоит, опершись плавниками о дно, и ждет, когда перед ее носом опустится крючок с червем. Не терпелось поскорее размотать удочку. Но Пронька охладил мой пыл сразу же, как только я взялся за свои снасти.

– Ты эту игрушку брось. На эту штуку ты его не возьмешь.

– Почему? – удивился я.

– А потому, что хариус – рыба серьезная и баловаться не любит.

Больше Пронька ничего не сказал. Меня это озадачило, но не убедило. Расправив свою синтетическую удочку, насадил червя – и к воде.

– А поплавок покрасивше у тебя нет? – язвительно спросил Пронька.

Я ничего не ответил. «Смейся», – думал я про себя по дороге к бурлящему водопаду. Вытащу громадного хариуса и сам посмеюсь над Пронькой. Я знал одного рыболова-любителя, который, вопреки советам, весь день просидел у лунки, вырубленной в самом неподходящем месте, и все-таки вытащил здоровенную щуку. Чем черт не шутит! Спешить-то теперь уж некуда: до самой середины Урала добрались. Вот река только совсем незнакомая. Неизвестно, куда и как закидывать. В бурунах поплавков сразу идет под воду, крючок цепляет за камни, и совершенно невозможно понять, клюет у тебя или нет. Несколько раз мне даже показалось, что тащу хариуса. Все признаки пойманной рыбы: леска дрожит, сопротивляется и удилище дугой прогнулось.

Но каждый раз оказывался зацеп. В конце концов я все-таки оставил в камнях и крючок, и леску вместе с поплавком. Первую страсть, можно сказать, удовлетворил,

В нашей палатке Пронька спать наотрез отказался.

– Что я, на курорт приехал сюда?

Расположился рядом у костра, сняв только сапоги и подложив фуфайку под голову. Очень неприхотлив этот народ – рыбаки. Наутро чуть свет поднял меня.

– Пошли, – говорит. А куда идти, когда два шага до воды?

– Бери мою удочку и смотри!

Медленно размотал свое длинное, выструганное из хорошо высушенной молодой ели удилище. Обстоятельно насадил целого здорового червя на крючок № 5 и побрел в воде к самому отдаленному от берега камню, прихватив с собою ящик с червями. В поселке я недоумевал: зачем нам столько червей. Ведь, наверное, хариусов в Вёлсе столько нет, сколько мы накопили червей. Теперь все стало ясно. Хариуса надо прикармливать! Пронька горстями стал бросать червей в гладкие и упругие изгибы водопада. Прodelав это, он упер основание удилища себе в живот, поверх стягивающего телогрейку широкого солдатского ремня, и ловким движением забросил крючок в самую пену низвергающегося водопада. Держа двумя руками тяжелое удилище, Проня, периодически поднимая и опуская его, следовал за продвижением лески. Никакого поплавка не было. Только крючок с насадкой и грузило из целого кругляка картечи. Не успев довести снасть до места, где, по моему представлению, должен был стоять хариус, Пронька резко потянул удилище вверх. Жилка напряглась и задер-

гальку. И вот первый хариус! С темной с синеватым отливом спиной, сверкающими боками и с растопыренными лиловыми плавниками. Хорош хариус!

Так же неторопливо, без суеты, подтянул Пронька сопротивляющегося хариуса, поймал его левой рукой, опустив удище на отворот резинового сапога, и через секунду хариус летел на прибрежную гальку в сопровождении пронькиного напутствия:

– Иначе тебя не выучишь!

За первым последовал второй, затем третий и так до самого восхода. Интервалы между пойманными хариусами все увеличивались, и к восходу клев почти прекратился.

– Это он нас стал замечать. Пора кончать!

Чтобы не показаться чересчур скромным, должен и о себе заявить: с помощью советов Проньки я тоже добыл с десятков очень неплохих хариусов, поэтому, когда Вовка проснулся, я мог ему кое-что предьявить.

Ну и совсем уж излишне рассказывать о том, какую уху я приготовил. Это была «музыка»!

Не оценил ее Пронька. То есть он ее оценил, но как-то странно, по-своему. Он сказал:

– Не буду я твою уху есть, от нее в сон клонит, а хариус не ждет: он вверх уйти может.

К полудню мы с Пронькой переправились на другой берег. Встали прямо у подножия нависшего Винокурова Камня. Там, где образовалась глубокая яма. С длинным удилицем я совсем освоился.

С непривычки болели только живот, куда упирался конец удилица, и рука от постоянного напряжения. К концу дня я так освоился, что некоторых представителей этой благородной породы я цеплял крючком прямо за жабры или за плавники. Видимо, очень плотный косяк стоял в этой яме.

Вовка тоже не терял времени даром. В лесу напротив три раза подряд раздались выстрелы. Не иначе как наш Тартарен на медведя наткнулся. Но мы ошиблись в своих догадках.

Во время обеда в качестве трофея нам было подано блюдо под названием «цыпленок табака». Трудно, конечно, было разглядеть цыпленка за гарниром из жареного картофеля, но принадлежность к пернатым была очевидна.

– Это кого же ты нам зажарил? – спросил я.

– Рябчонка, – ответил Вовка, но тут же с сомнением прибавил: – А может быть, это и не рябчик.

– Покажи перья, – сказал Проня и тут же определил: – Кукушка.

– Кукушка-«табака», значит.

Гарнир был отличный. Относительно же вкусовых данных мяса кукушки мы не смогли составить сколько-нибудь определенного мнения, ибо уж очень незначительная порция на каждого из нас досталась.

Вечером неутомимый Пронька поехал один на лодке, как он выразился, «мушковать», то есть ловить на плесе хариуса на мушку. Вернулся, когда было уже совсем темно, и мы с Вовкой успели согреть три раза котелок с чаем.

– Как рыбалка? – спросили мы вместо приветствия.

– Какая рыбалка, если хариус уши развесит и гитару вашу слушает. Нету хариуса! Наверх ушел: вода мелкая и теплая стала.

А наутро мороз грянул. Это в августе-то месяце! И так несколько ночей подряд. Нам-то в палатке да в спальных мешках ничего, а вот нашему капитану досталось. И все-таки он отказался изме-

нить своей привычке спать под открытым небом. Правда, сон его несколько усложнился и превратился в сплошную борьбу с холодом, но в палатку все равно отказался идти.

С вечера, укладываясь у костра, Проня ставил рядом с собой канистру с бензином. Пока горел костер, можно было спать. Достаточно было только время от времени поворачиваться, чтобы не замерзнуть с одной и не сгореть с другой стороны. Но по мере того как дрова догорали, а на землю начинал садиться иней, холод поджигал спящего Проню ближе к углям и заставлял его класть голые ступни ног прямо на тлеющие головешки, а потом, слегка опаленные, выдерживать обратно. Когда мороз совсем допекал Проню, он, не открывая глаз, ощупью дотягивался до канистры с бензином и так же вслепую плескал в тлеющие угли. Дождавшись взрыва, быстро-быстро засыпал, стараясь как можно полноценнее использовать это кратковременное тепло. Бензин быстро сгорал, и все повторялось сначала. Наконец, измотанный такой борьбой в предрассветных сумерках, Проня вставал, кашлял, откашливался, закуривал и шел к реке. Если учесть, что у него силикоз легких от многолетней работы в соляных шахтах и он всего год как ушел на пенсию по болезни, то такая игра с природой у нас с Лемпортом вызвала удивление и изумление запасом прочности человеческого организма.

Может быть, благодаря этому обстоятельству бочонок Прони довольно быстро наполнился соленым хариусом.

Наше совместное пребывание на пяточке, отвоёванном весенним паводком у тайги, исчерпало пределы необходимости. И мы уже было готовились на прощанье распить бутылку спирта, оставленную на какой-нибудь торжественный случай, но, видимо, чем-то мы понравились суровому Проньке. Может быть, Иоганн Себастьян Бах тронул его силикозную душу за живое, а может быть, мое полное и безоговорочное признание его авторитета как рыбака, но он сделал предложение, от которого мы не смогли отказаться:

– Зачем вам отсюда тащиться через Урал с такими тяжелыми мешками? Через неделю мне нужно будет быть во Всеволодске – пойдёмте со мной. В Усть-Улсе у меня две лошади промхозовские – навьючим и пойдём налегке. В два дня доберемся. Мы согласились. Нас смущало только одно обстоятельство: как лошади могут преодолеть уральские хребты. Но, подумав, решили, что ведь лошади Пржевальского совершают переходы по крутым горам. А Проня на наше сомнение даже отвечать не стал: таким оно ему показалось несостоятельным.

Пронька обманул нас: никаких лошадей в Усть-Улсе у него не было. Они оказались некованные и находились совсем в другом месте на покосе. Мне показалось, что Пронька знал об этом и рань-

ше, но схитрил – промолчал. Очень не хотелось, по-видимому, тащиться в одиночку через Урал. А мы, ничего не ведая, набили рюкзаки черт знает чем, и теперь нам предстояло тащить их на собственном горбу. Можно было бы, конечно, и избежать этого, спуститься на моторе до Баи, а там на самолет и... привет Уралу! Но нам, видите ли, через хребет перевалить захотелось, а мне с братом перекинуться двумя словами. Вот и поперли. Теперь я должен сообщить нечто важное для всех туристов и любителей, вроде нас, пошляться: если вы думаете, что идти через уральский хребет – это сначала карабкаться на гору, а затем спускаться с нее, то это представление сразу же выкиньте из головы. Идти через Урал – это значит тащиться по болоту, сначала с небольшим подъемом вверх, потом с небольшим уклоном вниз. И еще: если вас за все время вашего восхождения будет поливать дождь, то это тоже явление нормальное и удивляться тут абсолютно нечему. И вообще – я советую поменьше удивляться при переходе через Урал.

Так вот. Как только мы с Вовкой пережили последнее удивление по поводу отсутствующих лошадей, взвалили тяжелые мешки на спины и пошли. Проня впереди, я за ним, а последним был Вовка с гитарой и ружьем.

Первый пункт – Золотанка. В прошлом – приисковый поселок в десяти километрах от Усть-Улса. Шли по колее, вырытой гусеницами лесовозов и

заполненной жидкой грязью, доходившей до колен. Только к ночи доползли до первого огонька. Никогда не думал, что могут быть такие длинные километры. Десять километров за семь часов! Ничего себе темпы! Эдак мы не скоро через Урал перевалим, если верить, что отсюда до Всеволодска двести километров. Пронька в кромешной тьме каким-то образом отыскал дом свояка.

Следующий пункт – Двадцатка – еще десять километров.

По лужам, через лес в невысохшей одежде пошлепали утречком за Проней. Ему что – легкий мешок и ружьишко на плече, а мы каждый по дому на себе несем. Дождь перестал, и километры приняли свои истинные размеры. Нам бы идти и идти, но тут речушка дорогу преградила. Мостик, видать, был, да весенним паводком его снесло, стало быть, вброд переходить надо. А мы еще после вчерашнего дождя не просохли.

Пронька сказал:

– Ну, парни, штаны скидывай, пошли рыбу попугать.

Нам бы его послушаться и следовать за ним, но тут судьба-злодейка подсунула нам двух парней, стоящих на другом берегу. Им тоже не хотелось лезть в холодную воду, и они нам крикнули:

– Правее от вас лодка в кустах стоит, валяйте на ней сюда.

Я, будучи более рассудительным, подумал: зачем нам лодка, если Проня вброд решил идти, но тут Вовка очнулся от своего сомнамбулического состояния и помчался разыскивать лодку.

Лодка действительно оказалась невдалеке. Маленькая и без весел. Шест рядом валялся. Сложили рюкзаки, гитару, ружьишко поверх и отчалили. Я, конечно, принял на себя командование этой экспедицией. И вот что мы выяснили сразу же, как только оттолкнулись от берега. Во-первых, то, что лодка была рассчитана только на двоих взрослых людей, без наших дурацких мешков. Во-вторых, наше судно оказалось столь неустойчивым, что не только с шестом, но даже с веслом в нем невозможно было усидеть без бортовой качки. И в-третьих, пожалуй, самое важное: умения пользоваться шестом у меня было не больше, чем у Вовки отличать рябчика от кукушки. Течение в речке оказалось более сильным, нежели мы предполагали, а расстояние до слияния ее с Улсом совсем ничтожным.

Нас понесло по всем законам гидравлики.

На меня, кормчего, посыпались с разных сторон советы. Ребята с того берега советовали по сильнее жать на шест. Пронька предостерегал, чтобы нос держал все время против течения, а Вовка, ухватившись за борта лодки, требовал, чтобы я сел немедленно, ибо мы и так уже изрядно воды набрали. И я сел. Не потому, что Вовкино предложение мне показалось наиболее правильным,

а потому, что ничего другого я делать не мог. В один момент нас вынесло на середину Улса и поволокло вниз по пенящемуся потоку. Впереди метрах в ста из воды торчал огромный камень, а вокруг него – ореол белых бурунов.

Ни дать ни взять – голова святого.

– Не кажется ли тебе, Вовочка, что нас несет прямо на этот камень? – спросил я.

– Иначе нас не выучишь, – повторил Вовка излюбленное выражение Прони.

С треском и скрежетом нос лодки влетел на пологий камень, корму развернуло поперек течения, и вода хлынула через накренившийся борт. Первым пришел в себя, конечно, мой приятель. Выскочил в воду и скорей за гитару, а потом уж, спохватившись, схватил рюкзак и ружье. Облегченный нос наполз дальше на камень, а корма опустилась ниже, а с ней, естественно, и я. Очень

низко опустился. Над водой осталась очень незначительная часть моего тела, которой я глупо вертел, соображая, что же делать дальше. Потом я себя не однажды спрашивал: почему не выскочил вместе с Вовкой? И после долгих раздумий нашел ответ: капитан всегда покидает тонущее судно последним.

Так бесславно, под ржание двух идиотов на том берегу, мы совершили нашу первую переправу. А Пронька, как только закончилось «представление», сняв сапоги и брюки, перешел на другую сторону, даже не замочив трусов.

Срочно пришлось разбивать лагерь, разводить огонь.

Вода, надо сказать, в этих реках чертовски холодная. Сняв одежду, пропитанную этой холодной водой, и повесив сушить ее у костра, мы с Вовкой ничего не выиграли. За нас принялся холодный дождь. И за каким чертом нас понесло на этот Урал? Да еще пешком, без лошадей? И зачем мы столько ненужных вещей набрали? Летели бы сейчас на самолете до самой Перми и поплевывали бы сверху на все эти неприятности.

Так рассуждали мы с Вовкой, сидя нагишом на корточках перед костром и потягивая крепкий чай. А Проне эти наши глупые разговоры были просто невыносимы.

– Здесь заводь недалеко есть – пойду окуней посмотрю.

И ушел.

Я хотел было удивиться и спросить, где же он червей здесь возьмет, но раздумал. Решил ничему на Урале не удивляться.

И все-таки любопытство меня одолело. Мало-мальски подогрев одежду, с большим трудом мы натянули ее на себя. Вовка сел под густую елку с твердым намерением испытать влияние дождя на звучание фуги ре минор Иоганна Себастьяна Баха, а я отправился на поиски нашего неутоми-мого рыбака.

Как же велико было мое удивление, когда я увидел его у небольшой заводи, отделенной от реки лесным завалом, стоящим с удочкой, а вокруг в траве лежало десятка два крупных окуней.

«Вот это да!» – подумал я.

В дождь ни одной мухи не поймает. Все оказалось невероятно просто: от пойманной на хлебный шарик первой рыбки отрезался грудной плавник – и наживка готова. Видать, сильно изголодался окунь, раз до мяса своих собратьев так охоч!

Ну и клев! На ожидание ни секунды не уходит. Только успевай закидывать. Мы с Проней так увлеклись, что не заметили, как трава вокруг нас покрылась окунями. Я с тоской подумал: а что мы делать с ними будем, ведь у нас и посуды подходящей нет. А клев все не прекращался, и уйти было невозможно. Даже хладнокровный Проня не мог скрыть своего удовольствия.

Пора было подумать о возвращении. Получились две увесистые гирлянды из окуней.

Вовку мы застали в обществе двух собак и щенка, расположившихся амфитеатром и слушающих заключительные аккорды бурре. Великая сила – музыка! Говорят, удои коров повышает, и пшеница рост свой убыстряет. А что касается собак, так им с промокшей шерстью и с пустыми желудками сейчас гитара была, пожалуй, совершенно необходима.

Тройная уха – неплохая награда за треволения сегодняшнего дня, собакам тоже перепало, они решили нас не покидать и идти с нами хоть до самой Азии.

Утром в сопровождении своры безымянных собак и холодного дождя двинулись в путь. Дорога (если ее можно назвать дорогой) шла вдоль Улса. За Двдцаткой встретили группу туристов из Куйбышева, идущих с востока на запад. Узнав, что мы пешком идем через Урал, поспешили выразить нам свои соболезнования и посоветовали, пока не поздно, вернуться обратно.

Вечером столкнулись еще с одним препятствием: тропа уткнулась в берег Улса и, пронырнув по дну с полсотни метров, уползала в лес на противоположной стороне реки. Многодневный дождичек изрядно поднапоил добродушный в обычное время Улс.

Проня, повесив на шею ружье и проподняв повыше свой тощий мешок, первым пошел к воде.

– Вы тут подождите, я, может, брод помельче найду.

Но разве Вовка может ждать хоть минуту? Пошел тоже. Ну и я, как командующий всей экспедицией, пошел последним.

Но перед этим подумал, за каким чертом мочить брюки. Снял и на шею повесил вместе с ружьем (гитару мне Вовка не доверил).

Идем, отвоевывая у реки по сантиметру дороги. Вода бьет в бедро с невероятной силой. Камни на дне скользкие. Перед глазами вода рябит, струится и пенится. Малейшее неосторожное движение – и конец: что-нибудь да утопишь. В ста метрах ниже – камни здоровые. Толстозадая фортуна подставляет мне ножку. Запрещенный прием применила. Не знаю, как это получилось, но я потерял равновесие – не упал, а заскользил по камням. Попытался остановиться. От резкого движения с плеча свалились брюки и поплыли. Это обстоя-

тельство меня и заставило вскрикнуть – стало невыносимо жаль джинсов, хотя и не новых. Вовка,двигающийся метрах в двух впереди меня, бросился на выручку. Схватил за руку, остановил скольжение. Кое-как восстановил равновесие. А брюки недолго плавали на воде. В одном из карманов у меня лежал охотничий нож, тот самый охотничий тяжелый нож, который почему-то каждый отправляющийся в путешествие покупает, а потом не знает, что с ним делать; толку от него мало, а выбросить жалко. Не будь у меня этого ножа, кто знает – может быть, я и домой вернулся бы в этих джинсах.

Собаки на берегу подняли отчаянный скулеж – им тоже жалко было моих брюк. Однако ни одна не бросилась спасать их. Только глупый щенок плюхнулся в воду. Как щепку, его подхватило течение и понесло вниз на камни. И все-таки выплыл – везет дуракам! Догнал нас – веселый и счастливый. А джинсы не достал.

Пронька, позубоскалив несколько над моим печальным положением, предложил из гимнастерки своей соорудить что-нибудь на брюки.

– Комары зажрут, да и в городе неловко без штанов. Но тут я с удовольствием продемонстрировал свою способность к предвидению даже такого исключительного случая. Торжественно достал из своего мешка черные сатиновые шаровары.

А дождь все хлестал и хлестал. А гор все не было и не было.

Фортуна продолжала демонстрировать самые худшие свои стороны. Дичь, на которую так рассчитывал Вовка, попряталась, и проблема провианта становилась актуальной. Километры опять безобразно удлиннились. Проня по-прежнему невозмутимо шел первым. На наши вопросы, много ли еще осталось идти, он всегда отвечал однозначно:

— Да нет, теперь недалеко.

В конце концов мы перестали спрашивать, ибо поняли, что никакой системы измерения расстояний у Прони нет.

Иногда размеренное чавканье наших ног нарушалось глухим ударом падающей гитары. Это Вовка, споткнувшись о спрятавшийся под мхом корень, падал, и гитара ударялась о его голову. Не лучший способ применения благородного инструмента. Но что делать: не выбрасывать же ее? Мешки наши набрякли от воды, стали еще тяжелее. Было удивительно, как мы их тащим и откуда берутся силы.

Но вот наконец долгожданная охотничья избушка, обещанная Проней еще в начале пути. Избушка Таныгина. Надо сказать, что избушки в тайге носят имя ее строителя. Редкий случай дани человеческой справедливости. Уже при подходе к ней мы обратили внимание на ярко выраженную индивидуальность ее создателя. Площадка перед ней тщательно прибрана. Сухие дрова наколоты

и аккуратно сложены под навесом. И всюду указатели: «место для мусора», «туалет», «место для костра». А один так даже в стихах написан: «Дров наруби – за собой убери!» Очень трогательно. Внутри тоже полный порядок: под потолком в мешке висят сухари, соль, мука, сушенки, рыба. На полке – необходимый инструмент: нож, отвертка, напильник, топор. Печка в отличном состоянии. Меня так это умилило, что я предложил Вовке что-нибудь оставить здесь полезное. Ну, скажем, круглое зеркальце или босоножки. За каким чертом тащить эти вещи по такой дороге? Борода Вовки набрала уже нужную силу и не нуждалась, на мой взгляд, в столь пристальном внимании, которое оказывал ей мой приятель до этого. А босоножки в такой ситуации просто выглядели глупостью.

Но Вовка меня не понял.

– Ни за что! – сказал он. И я не стал спорить.

Как мы ни были измотаны и измочены, но надо было подумать о хлебе насущном. С Проней спустились к шумящей внизу речке. Маленькая, каменистая и сварливая – какой-то приток Улса.

– Хариус должен здесь быть, – уверенно сказал Проня.

Я и сам подумал об этом, но как его добыть, червя-то все равно нет. А хариус такая рыба, что на всякую дрянь не клюнет. И на червя-то еще долго смотреть будет, прежде чем решится взять его. А если ты крючок неаккуратно привязал или грузи-

ло слишком большое поставил, так он презирает тебя, и никаким червем его не купишь. Но Проня тоже не новичок в этом деле. Уж что-что, а характер хариуса он хорошо знает. Расстегнув свою драную, сшитую из неизвестного современной науке материала куртку, он достал из кармана жестяную коробочку с рыболовными снастями. Размотав леску и прицепив на конце две самодельные мушки, выбрал из завала удилище, напоминающее жердь. Уперев в живот толстый конец, закинул леску в самое бурлящее и пенящееся место речки. Даже не закинул, а повесил над белой пеной воды, изредка окуная и поднимая мушки. И что же? Не прошло и минуты, как что-то черное и большое выскочило и, описав дугу, плюхнулось опять в воду. Конечно, это был хариус. Только промахнулся, дурак! Из-за дождя видимость была плохая, да и пена, наверное, мешала. Проня продолжал трясти свое тяжелое сооружение. А хариус не спешил повторить прыжок. И все-таки выпрыгнул. Обе мушки мгновенно скрылись в бурлящем потоке. Проня без рывка стал подтягивать и только у самого берега довольно резким броском вытащил его на прибрежные камни.

– Иначе тебя не выучишь, – сказал он.

Чистить рыбу – была прямая и, я бы сказал, добровольная обязанность Вовки. Этим он как бы извинялся за свое неучастие в ее добыче. Ему, как охотнику, чужды и непонятны все прелести это-

го увлекательного занятия. Рыба для него представляла интерес только как продукт питания — не больше. Поэтому он молча принял хариуса и отправился разделывать его. Надежды на богатый улов оказались несостоятельными. Что-то там в воде произошло. Мушки утратили ценность для хариуса. А может быть, это был просто какой-то дурной хариус без начального образования. Пока мы с Проней раздумывали над причинами неудачи, Лемпорт позвал нас наверх.

Он сообщил, что, предвидя такую неудачу, зажарил нам единственного хариуса, и не просто зажарил, а приготовил нечто вроде «судака по-польски». Даже несколько картофелин нашел в избушке у Таныгина. И я, как ценитель, могу сказать — удалось! Очень вкусно получилось. Все остатки продуктов были употреблены на это изысканное блюдо: масло, специи, хлеб. Лебединая песня Лемпорта в кулинарии. Один только недостаток обнаружился при пробе: Вовка забыл очистить его от чешуи. Пронька есть отказался, а мы кое-как, процеживая через зубы некрупную чешую, съели половину. Остальное выбросили щенку.

Чай тоже у нас не удался. Сахар в мешке случайно оказался под анилиновыми красками, которые я взял для заправки фломастеров, и, подмокнув, окрасился в ярко-синий цвет с фиолетовым оттенком.

Пьесы Баха в этот вечер звучали несколько приглушеннее, чем обычно.

Утром наш Проня сказал:

– Теперь рукой подать до города.

А мы с Вовкой пили сине-фиолетовый чай и не верили, что где-то есть твердая земля под ногами, не идет дождь и можно ходить прямо, не сгибаясь от тяжести этого проклятого мокрого мешка; что кто-то носит сухую одежду, живет в каменном доме, пьет по утрам настоящий черный кофе, а потом на метро или на автобусе отправляется на работу.

И если вам кто-нибудь когда-нибудь скажет, что перейти через Урал – это значит сначала карабкаться по скалам, а потом спускаться по ним, – не верьте этому человеку и в качестве доказательства дайте прочесть ему эту правдивую историю. А если кто-нибудь решится проделать аналогичное путешествие, пусть обязательно найдет Проню и передаст ему привет от меня и от моего коллеги, ибо навсегда запали в наши души его вещие слова: – Иначе вас не выучишь...

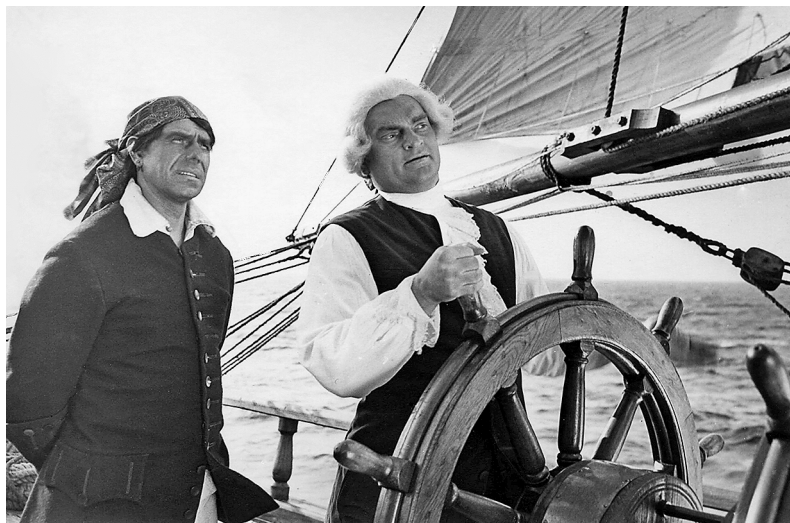

Схватка под килем «Испаньолы»

– **А**кула по левому борту! – истошно закричал слуга Сквайра, вышедший из каюты подышать свежим воздухом.

Море сильно качало сегодня, и слуге было как-то не по себе, все время тянуло к борту. Как только перегнулся через него – сразу увидел акулу.

На крик примчались два матроса, из-за камбуза вышел рулевой Том, сматывая на руку причаль-

ный фал. Он поглядел за борт, усмехнулся и пошел дальше. Эка невидаль – акула! А Джим – самый молодой юнга на «Испаньоле» – подкрался к слуге и ущипнул его за ягодицу. Эх, как тот подскочил! Чуть за борт не выпрыгнул. Даже парик с косичкой набок съехал. Джима это очень развеселило.

– Стоп! Ну что ж, очень неплохо получилось. Давайте, пока солнце есть, быстро еще один дубль сделаем! То же самое, только побыстрее...

Снимается фильм «Остров сокровищ». Конечно, никакой акулы за бортом нет. Слуги тоже нет – есть Володя Грамматиков, переодетый в костюм слуги. А Джим – это парнишка из таллиннской школы.

На юте, удобно расположившись на бухте канатов, сидит и ждет своей очереди народный артист СССР Борис Андреев с попугаем на плече.

Он играет главного пирата Сильвестра.

Деревянная шхуна «Испаньола» построена специально для этого фильма. На ней полощутся паруса, а на гротмачте развевается английский флаг. «Испаньола» уже третий раз выходит в море и подолгу бороздит прибрежные воды в ожидании солнца.

И вот сегодня наконец повезло. А как только шхуна легла в дрейф для съемки очередного кадра, борта ее мгновенно обросли бездельниками, не занятыми в эпизоде, со спиннингами в руках. Судно оцетинилось удочками и стало походить на рассерженного дикобраза.

На палубе под ногами суетится маленькая собачонка. Она родилась на шхуне, поэтому ее назвали тоже Испаньолой, несмотря на континентальное происхождение ее предков. Чувствовала она себя прекрасно и готова была играть в любую игру, предложенную человеком. Особенно нравилась ей рыбная ловля. Бросалась на каждую рыбку и играла с ней до тех пор, пока та не замирала. Рыбалка на шхуне шла полным ходом. У всех уже было чуть ли не по десятку рыбешек. Только Володя Грамматиков все еще распутывал свою снасть, неудачно заброшенную с первого раза. К тому же у него оторвалось грузило, запасного не было, и он бегал от одного рыболова к другому и канючил. От него отмахивались – рыба клевала как сумасшедшая, и никто не желал даже на секунду отвлечься ради незадачливого слуги

Сквайра. Как раз в это время откуда-то с кормы раздался взволнованный голос:

– Катран! Тащу катрана! – И сразу же разочарованно: – Ушел! И крючок оторвал, подлец!

Видно, это доконало бедного Грамматикова. Тихо подвывая и ругаясь, он куда-то умчался, но скоро появился снова. Отвернувшись и воровато косясь на старпома, стоявшего у штурвала, он стал привязывать к леске красивый медный болт, довольно внушительных размеров.

Все услышали, как что-то тяжелое плюхнулось за корму. Катущка завертелась. И вдруг на палубе раздался истошный вопль Грамматикова:

– Катран, ребята! Тащу катрана!

Сначала никто не поверил, но, увидев изогнувшийся в дугу спиннинг, все бросились к нему на правый борт. А тут новая сенсация – с левого борта голос осветителя Жоры:

– Кажется, и у меня катран сидит!

Все кинулись к левому борту. Сомнений не было: по звенящей леске и согнутому удилищу можно было определенно сказать, что это катран.

Наступила та удивительная стадия в ловле рыбы, когда все начинают неистово советовать удачливому рыбаку. Похоже было, что каждый закончил какую-то особую рыболовную академию и только он один знает, как вытащить катрана и не дать ему оборвать леску.

Большинство советчиков собралось возле Грамматикова – он все-таки новичок в этом деле.

Обезумевший от возбуждения Грамматиков то отпускал леску, то снова выбирал ее, свесившись чуть ли не по пояс за борт.

Треск стоял оглушительный. Как будто с правого и левого борта перестреливались два пулеметчика. Наконец, все скорее нутром почувствовали, нежели услышали приглушенный от волнения голос Жоры: – Кажется, тащу!

Советчики бросились с правого борта на левый и облепили перила вокруг Жоры. Некоторые даже отважились полезть на ванты. Жора медленно, но упорно тянул что-то тяжелое из воды. Все затаили дыхание. И вдруг леску рвануло. Жора начал травить понемногу.

– Катрана нужно измучить сначала, а потом уже принимать решительные меры, – говорили советчики.

А в этот момент с правого борта опять крик:

– Тащу! Тащу! Пошел, братцы!

Естественно, Жора сразу же оказался в полном одиночестве. Ох и здоровый, видимо, катран попался! Среди советчиков появились скептики:

– Да что вы, разве такого вытащишь? Ни за что! Только леску оборвет...

Но таких оказалось немного. Большинство было захвачено этим удивительным поединком.

– Только слабину не давай! – советовали одни.

– Трави помалу! – советовали другие.

Грамматиков старался изо всех сил. Он даже попросил снять с него мотоциклетный шлем, напя-

ленный зачем-то на голову. Но катран был сильнее, опять пошел вглубь.

Болельщики разделились: часть покинула Володю и прилипла к Жоре на левом борту. А у него, кажется, дела опять пошли на лад.

Катран стал выдыхаться. Да и пора уже было. Многие знающие в этом толк советчики уже утвердительно кивали головами. Мол, давай, Жора, самое время, тащи! И Жора тащил. Жора был молодцом. Настоящий рыбак, одним словом.

Внезапно наступила тишина. Треск с правого и левого борта как-то сразу прекратился. Все вдруг заметили подозрительную синхронность в действиях участников поединка: если один травил леску, другой обязательно выбирал ее на катушку. Поэтому, когда из воды показалась Жорина снасть, на которой уныло повис медный болт Грамматикова, всем стало ясно: под килем «Испаньолы» схлестнулись в жестокой схватке две лески – Жоры и Грамматикова.

«Испаньолу» затрясло от хохота. Режиссер хотел рассердиться, но раздумал и крикнул: – Приготовиться к съемке!

Старпом осуждающе срезал болт с лески, положил в карман и, подойдя к рубке, скомандовал: – Полный вперед!

Содержание

Кентавры рыбу не едят	3
Бар-Бич	14
Бублик	22
Бакланиха	31
Черный остров	42
Сибирские впечатления	51
Мошка	62
Батут, батут, батут	79
Сон в охотничьей избушке	90
Уральская одиссея	94
Схватка под килем «Испаньолы»	136

Николай Андреевич Силис
О ловле рыбы и прочей чепухе. Рассказы и повесть
Рисунки Н. Силиса

Составитель: С. Петросова
Редактор: Т. Ляховецкая
Макет: Т. Малюсова
Корректоры: Ж. Борисова, Е. Миклашевская
Компьютерная верстка: А. Романов
Фото: В. Усков

Подписано в печать 26.03.2015 г. Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1 80 г. Печ л. 4,5. Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано в «Академиздатцентр «Наука» РАН» ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ» – «Наука» 140014.Московская обл.. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д.403. Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.